

ГЕНДЕР, СЕМЬЯ, СЕКСУАЛЬНОСТЬ. ПРОДОЛЖАЯ И. С. КОНА

DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.20

Правильная ссылка на статью:

Ломакин И. В. Чайлдфри или добровольно бездетные? К переопределению концептуального поля исследований не-родительства в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 394—436. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.20>.

For citation:

Lomakin I. V. (2019) Childfree or Voluntarily Childless? Redefining the conceptual field of studies on non-parenthood in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 394—436. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.20>.

И. В. Ломакин ЧАЙЛДФРИ ИЛИ ДОБРОВОЛЬНО БЕЗДЕТНЫЕ? К ПЕРЕОПРЕДЕЛЕНИЮ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПОЛЯ ИССЛЕДОВАНИЙ НЕ-РОДИТЕЛЬСТВА В РОССИИ

ЧАЙЛДФРИ ИЛИ ДОБРОВОЛЬНО
БЕЗДЕТНЫЕ? К ПЕРЕОПРЕДЕЛЕНИЮ
КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПОЛЯ ИССЛЕДОВАНИЙ
НЕ-РОДИТЕЛЬСТВА В РОССИИ

CHILDFREE OR VOLUNTARILY CHILDLESS?
REDEFINING THE CONCEPTUAL
FIELD OF STUDIES ON NON-PARENTHOOD
IN RUSSIA

ЛОМАКИН Илья Валерьевич — бакалавр политологии, стажер-исследователь Лаборатории сравнительных социальных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; приглашенный исследователь Департамента социологии, Лундский университет, Лунд, Швеция
E-MAIL: elijah.lomakin@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0002-6850-6329>

Ilya V. LOMAKIN^{1,2} — Bachelor of Arts in Political Science, Research Assistant at the Laboratory for Comparative Social Research; Visiting Scholar at the Department of Sociology
E-MAIL: elijah.lomakin@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0002-6850-6329>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

² Lund University, Lund, Sweden

Аннотация. В данном эссе предпринимается попытка демаркации семантических границ понятий «чайлдфри» и «добровольная бездетность» с поправкой на специфику российского контекста. Автор последовательно описывает общественно-политический контекст российского исследовательского поля, делая особый акцент на консервативных пронаталистских тенденциях последних лет. Рассматриваются истоки концептуального поля не-родительства, а также история соответствующей исследовательской области. В частности, впервые в русскоязычной литературе дается подробное описание Национальной организации не-родителей — ключевого актора для истории чайлдфри-активизма. Далее, основываясь на данных проведенного в 2014—2016 гг. исследования, автор подробно описывает интериоризированную в русскоязычном дискурсе категорию «чайлдфри», а также термин «добровольная бездетность». Намечаются смысловые точки, формирующие каркас данных понятий, и нивелируется тенденция к их отождествлению как в повседневном, так и в академическом дискурсах. Критикуя семантический хаос, присущий русскоязычной практике использования термина «чайлдфри», автор предлагает для эмпирических исследований понятие «добровольная бездетность» одновременно как менее семантически нагруженное, широкое и фундаментальное. Также в статье рассматриваются широко употребляемое в России понятие «чайлдхейт» и явление сожаления о родительстве. Каждому из них автор пытается найти эвристически ценную альтернативу. В заключении через переформулирование обсужденных понятий он пред-

Abstract. The essay is an attempt to distinguish between the semantic notion of “childfree” and that of “voluntary childlessness” taking into account the Russian specifics. The author consistently describes socio-political content of the Russian research field emphasizing the conservative pro-natal trends of the recent years. The paper considers the origins of the conceptual field of non-parenthood and the evolution of the related research area. For the first time in the Russian-language scientific literature, the National Organization of Non-Parents, a key actor in childfree activism, is described in detail. In addition, based on the data of a study conducted in 2014–2016, the author examines the childfree category internalized in the Russian-language discourse (“chayldfri”) and the notion of “dobrovolnaya bezdetnost” (voluntary childlessness). The author also outlines the semantic points framing these notions and leveling off the tendency to equate these notions in the everyday and scientific discourses. By criticizing the use of the childfree notion in the Russian-language practice, the author proposes to apply the notion of voluntary childlessness as the latter one is wider, more fundamental and less complex semantically. The article also explores the widely used notion of “childhate” and the phenomenon of regretting parenthood. The author offers a heuristically valuable alternative to each of them. In conclusion, the author redefines the notions discussed in the article and proposes a conceptual framework for further research on voluntary childlessness in the Russian context.

лагает концептуальную рамку для дальнейших исследований добровольной бездетности в российском контексте, а также намечает перспективные исследовательские проблемы.

Ключевые слова: чайлдфри, сознательная бездетность, добровольная бездетность, чайлдхейт, неохотные родители, сожаление о родительстве, желанная бездетность, не-родительство, концепты

Благодарность. Я благодарю Ольгу Исупову за многолетнее наставничество и помощь развитию проекта на разных этапах. Слова благодарности хочется сказать Ирине Тартаковской, вычитавшей первую версию данного эссе. Я также благодарен участникам секции «Институциональные трансформации в российской семье» X Всероссийской научной конференции памяти Ю. Левады (и лично — председателю секции С. В. Захарову), участникам отдельных секций IX, XI и XII Международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ) и Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (и лично — М. Г. Муравьевой, Н. А. Мицюк, Н. Л. Пушкаревой) за прямую или косвенную помощь в подготовке разных частей данной статьи. И, конечно, я говорю огромное «спасибо» всем моим информантам, открывшимся и не побоявшимся высказать собственную позицию.

Работа над данным эссе завершена в рамках стажировки в Департаменте социологии Лундского университета (Швеция) и при поддержке Фонда имени Сверкера Острёма. Публика-

Keywords: childfree, intentional childlessness, voluntary childlessness, child-hate, reluctant parents, regretting parenthood, intended childlessness, non-parenthood, concepts

Acknowledgments. The author expresses gratitude to Olga Isupova for the longstanding guidance and assistance in the project at different stages. A special word of gratitude goes to Irina Tartakovskaya for her proofreading of the first version. The author would also like to thank the participants of the section “Institutional transformation in the Russian family” (X Russian Scientific Conference in memory of Yu. Levada (and personally S.V. Zakharov, head of the section), participants of particular sections of XI, XI and XII International Conferences of the Russian Association of Researchers in Women's History and the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (and personally M. G. Muravyeva, N. A. Mitsyuk, N. L. Pushkareva) for their direct and indirect help in preparation of this paper. The author is also thankful to all informants who were extremely open and brave to express their viewpoints.

The work on this essay was completed as part of the internship at the Department of Sociology (Lund University, Sweden) and supported by the Sverker Åström Foundation. The publication is supported by the grant of the Russian President

ция подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых — докторов наук, проект МД-3743.2018.6.

for young Russian scientists (project no. МД-3743.2018.6).

Существует мнение, что сама возможность выбора, участвовать или нет в поддержании функции биологического воспроизводства как одной из функций семьи — базовый статус которой, впрочем, сегодня оспаривается рядом исследователей, — стала возможной лишь во второй половине XX века. Такой выбор часто полагается результатом ряда социальных революций — в частности, сексуальной и контрацептивной (1960-е — 1970-е годы для развитых стран Запада), — зафиксировавших автономизацию сексуальности и репродукции, а также способствовавших нормализации нерепродуктивной сексуальности [Lincoln, Kaeser, 1988; Кон, 2011]. Так, социолог Ольга Исупова говорит, что люди, добровольно отказывавшиеся от рождения детей, «были всегда <...> однако до эпохи сексуальной революции <...> наверное, кто-то, может, не смотрел вглубь себя, а кто-то смотрел, но никогда не говорил об этом вслух»¹. Добровольный отказ от деторождения как выбор существовал всегда, однако его выведение из сферы личного в пространство публичного, политизация и описание в терминах «прав человека» и им подобных пришлось именно на вторую половину XX века на волне разворачивания так называемых политик идентичности (identity politics) [Storr, 2010; Daugherty, Jackson, 2017]. Во время как предыдущие поколения за счет влияния социальных и религиозных норм, а также отсутствия надежной и доступной контрацепции, по достижении порогового возраста вскоре становились родителями, пришедшие им на смену поколения получили возможность «выбирать», рожать или не рожать детей, а также планировать собственную семью без привязки к каким-либо конвенциональным канонам.

Меж тем, во множестве регионов Европы, в Северной Америке и Австралии демографы фиксировали сравнительно высокий уровень бездетности как таковой и в начале XX века, и в XIX столетии. Более того, многочисленные исследования указывают на то, что уровни бездетности в разных странах нередко меняли тренд своего движения вслед за новыми возрастными когортами и поколениями [Kreyenfeld, Konietzka, 2017: 4—6]. Для восточноевропейских стран, например, «широкое распространение окончательной бездетности (permanent childlessness) — относительно недавнее явление», однако форсированно распространяющееся [ibid.: 6]. Тем не менее, пусть бездетность как таковая (не важно, вынужденная или добровольная) в России все больше признается обществом легитимной², на уровне индивидуальных установок эта стратегия по-прежнему довольно маргинальна. В 2008 г. доля россиян, которые вообще не хотели бы иметь детей, по данным ФОМ, составила

¹ Исупова О. Феномен чайлдфри в обществе // Постнаука. 2014. 10 сентября. URL: <http://postnauka.ru/video/31220/> (последний доступ: 27.11.2019).

² Брак, дети, супружеские измены: сейчас и 25 лет назад // ВЦИОМ. 2015. 10 февраля. № 2771. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=609> (последний доступ: 27.11.2019).

порядка 3%—4%³. В 2010-х гг. Россия по-прежнему остается страной с низким уровнем бездетности среди женщин и мужчин [Miettinen et al., 2015: 41]. Последний опрос Левада-Центра о желаемом и ожидаемом числе детей дал показатель в 9% — именно столько россиян собираются остаться бездетными, причем «мужчины и женщины одинаково часто говорят о том, что собираются остаться бездетными»⁴. Однако о возрастающей или убывающей тенденциях явления добровольной бездетности в России говорить не приходится ввиду ограниченности имеющихся репрезентативных панельных данных.

Так или иначе, подходы к пониманию семьи как таковой меняются в зависимости от исторического периода, региона, накопленного опыта и множества иных факторов [Coontz, Parson, Raley, 2008]. К примеру, доподлинно известно, что бездетность как таковая чаще встречается в развитых странах и, в частности, в урбанизированных районах. Сами же бездетные чаще принадлежат к экономически благополучной, секуляризованной⁵ и хорошо образованной части населения [Blackstone, 2014: 53]. Тем не менее в данной работе мы не планируем обсуждать причины выбора добровольной бездетности или, например, вопросы социальной стигматизации такого образа жизни. Мы скорее остановим наше внимание на терминологии исследований не-родительства, которая вслед за быстрыми трансформациями общества и семьи также претерпевает изменения.

В последнее десятилетие в российском исследовательском поле появляется все больше исследований, посвященных вопросам добровольного отказа соотечественников от деторождения. Исследователи используют самые разнообразные понятия для определения этого явления, зачастую попросту калькируя западные аналоги. Заимствование концептов не является чем-то негативным и, наоборот, способствует интеграции национальной науки в международные исследовательские дискуссии, препятствует самоизоляции. Однако перенесение концептов из одного академического языка в другой требует особого внимания к семантике и смысловым границам, а также учета локальных особенностей «почвы», на которую заимствованные понятия переносятся. Уточнение понятий и концептов, используемых исследователями, является одной из важнейших теоретических практик, поскольку именно концепты создают базу для формулирования исследовательских проблем и построения теорий.

Итак, в данном эссе предпринимается попытка переопределить семантическое поле концептуального аппарата исследований добровольной бездетности через его терминологическое упорядочивание, преодоление понятийной путаницы. В частности, нами будет проведена более четкая и сообразная российскому контексту демаркация семантических границ между базовыми в русскоязычном дискурсе понятиями исследуемого поля — *childfree* (пер. с англ. «свободные от детей») и *voluntary childlessness* (пер. с англ. «добровольная бездетность»). Мы также рас-

³ Вовк Е. Бездетность и нежелание иметь детей // Фонд «Общественное мнение». 2008. 29 мая. URL: <https://bd.fom.ru/report/map/d082125> (последний доступ: 27.11.2019).

⁴ Желаемое и ожидаемое число детей // Левада-Центр. 2019. 25 ноября. URL: <https://www.levada.ru/2019/11/25/zhelae-moe-i-ozhidaemoe-chislo-detej/> (последний доступ: 27.11.2019).

⁵ Меж тем, критика предписанного воспроизводства проявила себя даже в исламском регионе в рамках локального феминистского дискурса [Abuelnaga, 2018].

смотрим смежные для данного поля понятия *childhate* (пер. с англ. «ненавидящие детей»), *intended childlessness* (пер. с англ. «желанная/намеренная бездетность») и *reluctant parents* (пер. с англ. «неохотные родители»). В завершении мы намереваемся переопределить базовые концепты обсуждаемого исследовательского поля, а также наметить перспективы дальнейших исследований.

Первичные замечания

Следует сразу оговориться, что за более чем 40 лет активного развития поля исследований добровольной бездетности терминологическое разнообразие последнего весьма расширилось. Например, Гилла Шапиро, не пытаясь как-либо систематизировать варианты именованья добровольно бездетных, в 2014 г. отмечала следующие варианты: *voluntarily childless*, *intentionally childless*, *childless by choice*, *unchilded*, *non-mother*, *non-father*, *without child*, *childfree* [Shapiro, 2014: 1]. Однако тогда для своего критического обзора литературы, накопленной за более чем 30 лет изучения добровольной бездетности, Шапиро выбрала именно термин *voluntary childlessness* в свете, как она тогда писала, «неоднозначности» других [ibid.]. Как уже было сказано выше, мы в нашей работе фокусируемся на двух терминах — *childfree* и *voluntary childlessness*, — то есть на тех, что особенно прижились в русскоязычном академическом и публичном дискурсах. Эти русскоязычные дискурсы, стоит заметить, существенно менее развиты, нежели англоязычные, что в первую очередь связано с тем, что последние формировались еще с 1970-х гг.

Отправной точкой для появления данной статьи послужило междисциплинарное исследование, проведенное автором в 2014—2016 гг. под научным руководством PhD Ольги Исуповой и посвященное политической вовлеченности добровольно бездетных в современной России. Целью исследования было выявление вариантов реакций, конструируемых российскими добровольно бездетными гражданами в дискурсивном контексте законодательных инициатив, направленных на регулирование сферы приватного. Основными методами сбора данных выступили глубинные полуструктурированные интервью и мини-групповые направленные дискуссии. Результаты исследования были частично опубликованы [Ломакин, 2016].

За основу в упомянутом выше исследовании было взято предложенное О. Исуповой определение чайлдфри⁶ — «люди, состоящие в браке и живущие полноценной сексуальной жизнью, но целенаправленно принимающие меры для того, чтобы у них не рождались дети» [Исупова, 2010]. Меж тем, в ходе сбора эмпирического материала автор столкнулся с тем, что далеко не все информанты, к кому он по умолчанию обращался как к «чайлдфри», были готовы презентовать себя через этот термин и даже отказывались принимать на себя подобную идентичность. Итогом стало осознание того, что сам спектр понятий, описывающих различные проявления добровольной бездетности, — добровольно бездетные, чайлдфри, чайлдхейт и т. п. — весьма хаотичен. При этом термин «чайлдфри», довольно-таки стихийно ставший центральным, более всего нагружен множеством смыслов, что позволяет интерпретировать его по-разному.

⁶ Здесь и далее, если не указано иное, мы будем при необходимости использовать русскоязычную транслитерацию термина *childfree*, когда говорим о русскоязычных исследованиях добровольной бездетности, а также транслитерацию в кавычках, когда говорим об использовании термина в русскоязычном публичном и академическом контекстах или о самоидентификации информанта, а также в свете соответствующих правил русского языка.

В данной статье будут использованы некоторые данные из упомянутого выше исследования, присутствие которых изначально рассматривалось автором как своеобразные «выбросы», не соответствующие базовым предпосылкам исследования. Так, автор изначально, вслед за другими исследователями [Agrillo, Nelini, 2008; Исупова, 2010], ставил союз «или» между терминами *childfree* и *voluntarily childless*, указывая на их взаимозаменяемость. Однако реальное положение дел оказалось значительно сложнее. Конкретные цитаты из базового исследования будут использованы в иллюстративных целях и для подтверждения хода рассуждений. Структурирование материала было выполнено в форме тематического анализа в программе NVivo 12 Plus.

Основой для данной статьи также послужили наработки автора, связанные с рефлексией исследовательского опыта по изучению добровольной бездетности в России и представленные в рамках ряда всероссийских и международных научных мероприятий в 2016—2019 гг., а также в соответствующих тезисах [Ломакин, 2018ab, 2019].

Не-родительство и пронатализм: российский контекст

Как уже было сказано выше, особое внимание в данной работе мы уделяем локальным особенностям «принимающего» поля, которым в нашем случае является российский контекст. Здесь о людях, добровольно отказывающихся от рождения детей, с той или иной степенью интенсивности говорят уже не первое десятилетие, однако все эти разговоры до 2000-х гг. не были покрыты зонтичным ярлыком «чайлдфри». Еще советская научная литература и публицистика отзывались преимущественно негативно даже о семьях, в которых был всего один ребенок, а сами дети из таких семей считались более склонными к эгоизму или вовсе делинквентному поведению. В целом бездетные семьи и семьи с одним ребенком едва ли полагались способствующими общественному благу [Pankhurst, 1982: 494—495]. Бездетные также облагались специальными налогами [Лебина, 2014: 68].

В 1989 г. Всесоюзный центр изучения общественного мнения задал такой вопрос: «Что бы Вы сказали о супругах, которые могут, но не хотят иметь детей?». Тогда как треть (33 %) респондентов осудили такое репродуктивное поведение, более половины (53 %) все-таки сошлись на том, что «о каждом конкретном случае надо судить отдельно». За последние 25 лет, как показал опрос уже Всероссийского центра изучения общественного мнения, уровень осуждения добровольно бездетных снизился до 18 %, а лояльность стала более распространенной и по совокупности составила 79 %⁷. Проведенный Фондом «Общественное мнение» в 2008 г. опрос также высветил, что «установка на сознательную бездетность достойна как минимум понимания», дав показатели в 27 % осуждавших такой репродуктивный выбор против 60 % без осуждения⁸.

Вообще современный российский контекст можно охарактеризовать как пронаталистский [Basten et al., 2015: 64—66] и сфокусированный на фигуре ребенка,

⁷ Брак, дети, супружеские измены: сейчас и 25 лет назад // ВЦИОМ. 2015. 10 февраля. № 2771. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=609> (последний доступ: 27.11.2019).

⁸ Вовк Е. Бездетность и нежелание иметь детей // Фонд «Общественное мнение». 2008. 29 мая. URL: <https://bd.fom.ru/report/map/d082125> (последний доступ: 27.11.2019).

или попросту — «детоцентристский»⁹. «Детоцентризм» выливается в том числе и в такие культурные процессы, как распространенная сегодня в российском обществе «идеология „интенсивного материнства“» [Исупова, 2018]. Эта, в некоторой степени фукодианская [см. Фуко, 1996; Михель, 2003], фокусированность на фигуре ребенка актуальна не только на уровне существующих в обществе представлений и стереотипов, но также проявляет себя в ходе рассмотрения и принятия многочисленных законодательных инициатив [Гурко, 2013; Печерская, 2013; Горбачев, 2014; Höjdestrand, 2016; Радина, 2018; Kondakov, 2019; Tolkachev, Vasileva, 2019]. Так, государственная пронаталистская политика несет с собой нетерпимость по отношению к тем, кто по каким-то причинам участвовать в биополитическом проекте «воспроизводства нации» не собирается [Makarychev, Medvedev, 2015; Makarychev, 2018; Stella, Nartova, 2016; Yatsyk, 2019].

Политика защиты так называемых семейных ценностей, сфокусированная на угрозе, которую несет для демографии и морали нерепродуктивный секс, — не новость, и имеет примеры как в истории [Zaretsky, 2007; Self, 2012], так и в современности зарубежных стран [Fábián, Korolczuk, 2017]. Она возникла в ответ на условную угрозу для сложившегося пронаталистского статус-кво, порожденную апологетами *pro-choice*¹⁰ образа жизни — в том числе сторонниками легальных и безопасных аборт, прав гомосексуалов и свободной представленности женщин на рынке труда. Неудивительно, что сторонники не-родительства ощутили на себе значительное сопротивление: отказ от репродукции казался в этом плане значительной угрозой как семье, так и национальной экономике в целом. Схожая концепция существует и в современной российской демографической политике.

Еще в 2006 г. демограф Анатолий Вишневецкий писал об утрате Россией некогда стабильно высокой вероятности рождения первого ребенка и появлении у молодых поколений тенденции к откладыванию рождения первенца. На тот момент он, принимая распространение современных методов контрацепции среди молодежи как «бесспорный факт», не был готов делать прогноз о том, может ли эта тенденция вылиться в добровольный отказ от рождения детей вообще, хотя, основываясь на опыте других стран, отмечал, что «некоторое увеличение в России пропорции ни разу не рожавших женщин вполне вероятно» [Демографическая модернизация. ..., 2006: 146]. В том же году президент России Владимир Путин признал важность решения демографических проблем в стране и обозначил повышение рождаемости, «сбережение народа», в качестве приоритетной задачи¹¹. Так, по мнению отдельных экспертов, 2006 г. стал «рубежом перехода от либеральной политики верти-

⁹ Следует заметить, что концепции детства и отношения к нему меняются от эпохи к эпохе. Например, исследование Карин Калверт, основанное на кейсе США, внятно показало, что единая форма детства никогда не существовала. Более того, на протяжении веков в концепции детства происходили радикальные перемены, менявшие отношение к детям и детству как таковому [Калверт, 2009].

¹⁰ Изначально деление на *pro-choice* и *pro-life* возникло в поздних 1960-х гг. в ходе развития дискуссии о легализации абортов. Термин «*pro-choice*» используется для обозначения как *pro-choice* движения, так и отдельных лиц, поддерживающих это движение, отстаивающее конституционное право женщин на безопасные и легальные аборты. В свою очередь, «*pro-life*» относится к движению и связанным с ним лицам, которые полагают, что любой вид искусственного прерывания беременности нарушает неприкосновенность человеческой жизни, а аборты должны быть признаны незаконными. Подробнее об этом см. [Freed, 2015].

¹¹ Путин В. В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Президент России. 2006. 10 мая. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23577> (последний доступ: 27.11.2019).

кального контракта и минимизации роли государства в решении вопросов семьи и родительства <...> к государственному патронату частной сферы» [Печерская, 2013: 95; см. также: Чернова, 2011; Rivkin-Fish, 2006, 2010].

Рождаемость стимулировалась преимущественно материальными, экономическими мерами, что, как предупреждали демографы, привело лишь к сдвигу «календаря рождений» у тех, кто отложил рождение второго и последующих детей [Вишневецкий, 2007: 164]. В долгосрочной же перспективе данная политика едва ли сработала, поскольку для этого необходимо было бы комплексное воздействие на фундаментальные нормы и репродуктивные установки населения, для которого модель малодетной семьи стала характерной и естественной так же, как она стала приоритетной и для большого числа жителей западных стран [Рыбаковский, 2012; Chernova, 2012; Basten et al., 2015: 56—58]. Более того, пронаталистский вариант семейной политики не учитывает множество повседневных трудностей и дефицитных сложностей, с которыми сталкиваются родители в современной России [Чернова, 2013: 154—155; Гурко, 2013]. Что касается дискурса, то нормативное определение семьи, тесно связанное с идеей деторождения, продолжения рода и т. д., стало все чаще проговариваться в публичном и повседневном дискурсах [Ярская-Смирнова, 2010; Печерская, 2012].

Так или иначе, но в последние годы в России предпринимаются попытки противостоять происходящим и даже произошедшим изменениям, подменить ценности индивидуального выбора фамилизмом, неопатриархатом, гетеронормативностью. «В 1990-е гг. произошли сексуальная, контрацептивная и феминистская революции в России, и с этим нужно считаться как с объективной закономерностью, которую вряд ли удастся переломить очередной консервативной концепцией», — заключала социолог Татьяна Гурко в своей экспертизе спорного и весьма надувшегося проекта «Концепции государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 г.» [Гурко, 2013: 50]. Упомянутый выше тренд касается не только дискурса публичной власти, но и находит низовую поддержку среди разного рода сообществ и движений [Эсиг, 2014; Höjdestrand, 2016, 2017], а также поддерживается СМИ [Ким, 2017; Радина, 2018].

Во всех описанных условиях добровольно бездетные граждане, с одной стороны, оказываются в «слепом пятне» семейной политики и публичного дискурса, а с другой — в их эпицентре. Фокусированность государственных политик на идее репродуктивного воспроизводства народа замалчивает и одновременно стигматизирует опцию добровольно бездетного образа жизни. Идеино близкий нам фукольдьянский анализ объясняет это следующим образом. Власть во многом концентрируется вокруг живых человеческих тел, которые, в свою очередь, обладают неосозаемыми репродуктивными силами и составляют репродуктивную мощь общества. Мальтузианская брачная пара, практикующая *coitus interruptus* (пер. с лат. «прерванный половой акт») ¹², наравне с инверсивным взрослым ¹³

¹² Прорисованная М. Фуко модель пары, которая получает удовольствие от секса, но для которой последний не имеет «репродуктивной финальности», может быть проецирована на современных добровольно бездетных. Тем не менее нынешняя реальность не ограничивается лишь прерванным половым актом как средством планирования семьи и/или беременности: развитие методов контрацепции — как мужской, так и женской, — а также стерилизации, в том числе и обратной, не стоит на месте.

¹³ Здесь в первую очередь Фуко ведет речь о гомосексуальных людях.

является точкой, где репродуктивные силы общества грозят исчезнуть. Логично, что в условиях пронатализма себя проявляет тенденция по психиатризации и маркированию как извращенного удовольствия любых действий, способствующих «угасанию» репродуктивных сил.

«Сексуальность теперь тщательно скрывается. Она меняет место жительства. Она конфискуется в пользу скрепленной браком семьи. И полностью поглощается серьезностью функции воспроизводства. Секс окружают молчанием. Закон вершит супружеская пара, узаконенная и производящая потомство» [Фуко, 1996: 99—100].

Таким образом, можно утверждать, что нынешние устремления власти ограничить и взять под контроль вопросы репродуктивных решений и репродуктивного (не) здоровья так или иначе отражаются и на жизни добровольно бездетных. Последние, по сути, оказываются выброшенными из только начавшего формироваться поля легитимации нерепродуктивной сексуальности, перекрытого неотрадиционализмом начала нового столетия [Чернова, 2019]. С другой стороны, актуальным в российском контексте остается и социальный контроль над репродуктивной функцией человека.

Истоки концептуального поля не-родительства

Хотя локальным исследовательским кейсом для данного эссе является русскоязычный контекст исследований добровольной бездетности, повествование нам придется начать с событий, происходивших в Северной Америке во второй половине XX в. Именно там и именно тогда формировалось обсуждаемое нами исследовательское поле. Нередко в материалах, посвященных тематике «чайлдфри», можно встретить информацию о том, что сам по себе этот термин был впервые разработан и использован Национальной организацией для не-родителей (National Organization for Non-Parents — NON) в первой половине 1970-х гг. Эта информация подтверждается многочисленными источниками, и упоминание о данной организации в контексте истоков «свободного от детей» взгляда на жизнь конвенционально является правилом хорошего тона. Однако мало кто из исследователей — особенно в русскоязычном контексте — углублялся в специфику и историю данной организации. В контексте данной статьи, заинтересованной, среди прочего, в последовательном разборе понятия «childfree», нам представляется важным заострить внимание на интересах и притязаниях этой организации.

Для начала следует заметить, что Национальная организация для не-родителей возникла в ответ на чрезмерную фокусированность американской жизни того времени на материнстве, репродукции и детстве, словом — в противовес пронатализму общественного уклада. Так, на волне контрацептивной революции и борьбы за репродуктивный выбор активистки Эллен Пек (Ellen Peck) и Ширли Радль (Shirley Radl) основали NON как некоммерческую организацию, ориентированную на «идентификацию и наступление на источники пронатализма, оповещение общественности о преимуществах образа жизни, свободного от детей (childfree lifestyle), и оказание групповой помощи тем, кто избрал подобный образ жизни»¹⁴ [Barnett, MacDonald, 1976: 297].

¹⁴ Постановка вопроса о не-родительстве как о легитимной социальной идентичности также может быть названа частью более широкого тренда политик идентичности, особенно актуализировавшегося в начале 1970-х гг. (см., например, [Hall, 2011]).

Идейные предпосылки NON можно найти в книге главной активистки организации Эллен Пек «Детская ловушка» [Рекс, 1971], вышедшей в 1971 г. и быстро ставшей бестселлером. В течение года после выхода этой книги, в 1972 г. была основана NON. В 1976 г. организация насчитывала 62 локальных ячейки в 31 штате США [Barnett, MacDonald, 1976: 298], а к 1982 г. обзавелась отделениями в ряде других стран, включая Канаду, Англию, Индию и ЮАР, и состояла из порядка двух тысяч членов [Healey, 2016: 132], что в целом не так уж и много. Тем не менее, «вероятно, верным будет утверждение, что NON была первой организованной попыткой бросить вызов именно сильному пронаталистскому давлению в обществе» [Barnett, MacDonald, 1976: 309], и причем достаточно успешной. В NON получали море писем от мужчин и женщин, решившихся на добровольно бездетный образ жизни, которым, как результат этого выбора, приходилось ежедневно противостоять пронатализму общества, доказывая, что выбранный ими путь может и должен быть социально приемлемым. Организация занималась медиа-активизмом, критикуя транслирующие пронаталистский контент каналы и публично поддерживая массмедиа, доброжелательно относящиеся к выбору добровольно бездетного образа жизни. Также NON проводила немало встреч и семинаров, ориентированных на поддержку людей, испытывающих из-за собственного репродуктивного выбора дискриминацию со стороны общества [Healey, 2016: 133—138]. Сравнительно небольшой организации удалось обратить на себя внимание прессы, что вылилось в сотни статей как в общенациональных и местных печатных СМИ, так и на телевидении. Материалы о деятельности NON публиковали такие журналы, как TIME, Newsweek, People, Glamour и Cosmopolitan [ibid.: 140—141] (см. рис. 1).

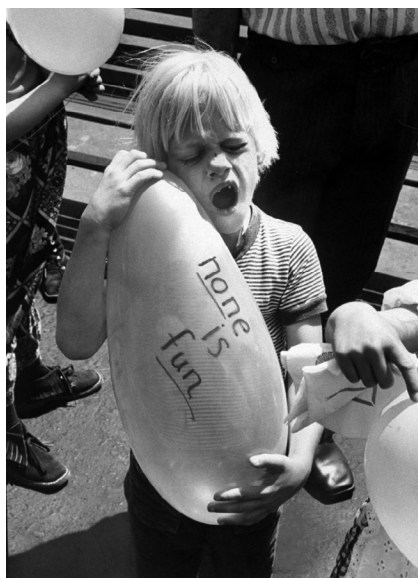

Рис. 1. Ребенок и его подарок на День не-отца (Non-Father's Day) — ежегодную акцию NON¹⁵

¹⁵ Источник: The LIFE Picture Collection / Getty Images.

Меж тем, данная организация нашла и сильное противодействие, причем как со стороны консервативных сил за «семейные ценности», так и со стороны феминисток второй волны. Если причины сопротивления первой группы вполне ясны, то идейные противоречия, которые не-родители обнаружили с феминизмом, более интересны. Несмотря на то, что в конце 1960-х — начале 1970-х гг. радикальные феминистки максимально противостояли первичности представления о женщине как о матери, вопросы репродукции, вынашивания и материнства по-прежнему находились в центре внимания либерального феминизма. В этом смысле полное отрицание репродукции, представленное в риторике NON, столкнуло последнюю с теми, кто полагал материнство в числе базовых тем феминизма [ibid.: 142—143]. Известная феминистка и эссеист Эллен Уиллис критиковала «близорукость» childfree-активистов, обвиняя их в непонимании того, что право не иметь детей и право их иметь по сути своей взаимосвязаны и родственны [Healey, 2016: 143].

Какие внутренние особенности этой организации фиксировали современники? В количественном исследовании Л. Барнетта и Р. МакДональда, базирующемся на опросе действительных членов NON (N = 334), последние определяются как «заметно отличающиеся от американского населения в целом». Так, члены NON были преимущественно молодыми (только один человек из пяти был старше 35 лет) и состоящими в зарегистрированном браке (только один человек из пяти был одинок). Более того, это практически исключительно белые люди с заметно более высоким уровнем образования и чуть более высоким уровнем дохода, нежели у основной массы населения США. И хотя четверть (25 %) респондентов сохраняли приверженность протестантизму, более чем в половине случаев члены NON оказывались агностиками, атеистами, либо попросту не поддерживали тесных связей с традиционными религиозными институтами [Barnett, MacDonald, 1976: 299—302]. Членами организации были как мужчины, так и женщины, однако изначально — в первую очередь в связи с особенностью интересов самой Эллен Пек, — NON с особым вниманием фокусировалась на развенчании мифологии материнства, где женственность и материнство были крепко взаимосвязаны [Healey, 2016: 135]. Соответственно, в центре внимания находились преимущественно женские вопросы.

Ранняя научная литература о NON нередко сравнивала организацию не-родителей с движением Zero Population Growth (ZPG)¹⁶ [Barnett, 1971, 1974] и даже ставила их в один ряд. Членство в этих организациях отчасти пересекалось: так, более четверти (29 %) респондентов-членов NON в проведенном в 1975 г. исследовании сообщили, что они также участвовали в движении ZPG [Barnett, MacDonald, 1976: 299]. Более того, одна из основательниц NON Ширли Радль являлась национальным исполнительным директором ZPG [Healey, 2016: 134], а президент ZPG Джудит Сендеровиц вместе с Эллен Пек выступила соредактором сборника научных и активистских статей о пронатализме и родительстве как добровольном

¹⁶ Движение Zero Population Growth (дословно — движение за нулевой прирост населения) — возникшее в конце 1960-х гг. общественное движение, направленное на повышение осведомленности населения о связи между ростом населения и ухудшением состояния окружающей среды и, как следствие, на продвижение идеи о том, что людям следует обзаводиться семьями меньшего размера. Интеллектуальные корни движения ZPG связываются с классической работой Томаса Мальтуса «Опыт закона о народонаселении» [Мальтус, 1895], а также нашумевшей в конце 1960-х гг. книгой биолога, профессора Стэнфордского университета Пола Эрлиха «Демографическая бомба» [Ehrlich, 1968].

и индивидуальном выборе [Peck, Senderowitz, 1974]. Тем не менее впоследствии обнаружили идейные нестыковки между организациями и их участниками: в то время как члены ZPG имели в своей основной повестке вопросы публичного характера и были ориентированы на глобальное изменение мира (в первую очередь в сферах демографии и экологии), «не-родители» говорили об индивидуальном выборе, правах и в целом были более замкнуты на себе и собственных проблемах. В итоге по мере сворачивания движения за контроль численности населения (population control movement), примерно в 1973—1974 гг. NON стала отдаляться от вопросов энвайронментализма и сфокусировалась на критике наиболее волнующей повестки — пронатализма [Healey, 2016: 136].

Изначально весьма радикальная позиция NON, заключающаяся в полном отказе от родительства, вызвала широкую дискуссию в американском обществе, ведь под вопрос ставились центральные для него ценности семьи и прокреативности¹⁷ [Healey, 2016: 139—140]. Как результат, NON постепенно смягчила свою позицию в сторону дискурса о репродуктивном выборе, рассматривая не-родительство в качестве одной из опций. К концу 1970-х гг. NON стала высокопрофессиональной организацией, работающей в коалиции с более широким движением за репродуктивную справедливость¹⁸, куда также был интегрирован первоначальный фокус на childfree-активизме [ibid.: 132—133].

Уже в 1978 г. NON была переименована в Национальный альянс за необязательное родительство (National Alliance for Optional Parenthood — NAOP), что было обусловлено рекомендациями благотворительного Фонда братьев Рокфеллеров (Rockefeller Brothers Fund — RBF), который, будучи заинтересованным в проектах по регулированию численности населения, стал одним из центральных доноров для NON [ibid.: 144—146]. Исследование обновленной организации декаду спустя провели уже упомянутые выше Барнетт и МакДональд. Тогда, в 1986 г., они определили членов NAOP как представителей «социального движения и организации, репрезентирующих все возрастающий феномен современного общества — людей, чьи ценности категорически не предполагают наличия детей» [Barnett, MacDonald, 1986: 150]. Представители Альянса виделись авторам статьи особенно сфокусированными на собственных интересах и мыслях, что отчасти свидетельствовало о «психотерапевтической» роли организации: так, для многих участников важнее общественных задач (например, преодоление проблемы перенаселения Земли) все же стоял вопрос поиска социальной поддержки их «свободной от рождения детей» позиции. Вышесказанное, впрочем, не означает, что среди участников NAOP не было интереса в значимых социальных изменениях [ibid.: 157—158]. Вслед за NON NAOP, кажется, впервые в истории последовательно задавала неудобные вопросы существующему порядку вещей и социально одобряемому образу жизни, в котором по стечению обстоятельств между семьей и родительством ставился жирный знак равенства. Особенно актуально это стало в ходе консервативного поворота 1980-х гг.

¹⁷ См., например: Down with Kids. *TIME*. 1972. July, 3. P. 37.

¹⁸ Репродуктивная справедливость (reproductive justice) — аналитическая и прикладная рамка для рассмотрения опыта репродукции; базируется на (1) праве не иметь детей, (2) праве быть родителем, а также (3) праве растить детей в безопасных и здоровых условиях. Термин базируется на двух других концептах — репродуктивные права (reproductive rights) и социальная справедливость (social justice), — и выходит за рамки дихотомии pro-choice/pro-life. Подробнее см. [Ross, Solinger, 2017].

Краткая история систематического изучения не-родительства

Среди прочего, NON — NAOP была ориентирована на продвижение добровольной бездетности как важного фокуса научных исследований. Даже при поверхностном поиске нетрудно заметить, что до 1970-х гг. академическая литература лишь изредка касалась этих вопросов, а бездетность в большинстве случаев ассоциировалась со стерильностью и инфертильностью. Тем не менее известный американский евгенист Пол Попено еще в конце 1930-х гг. отмечал, что «основная масса <...> добровольно бездетных браков мотивирована индивидуализмом <...>, а также инфантильным, гедонистским и часто невротическим отношением к жизни» [Roropoe, 1936: 472]. Такой подход по отношению к явлению будет главенствовать в социальных науках следующие три десятилетия.

Впоследствии научная исследовательская практика, в первую очередь североамериканская, показала всплеск интереса к изучению обсуждаемого явления и его переосмыслению. Так, канадская исследовательница Джен Виверс выступила в начале 1970-х гг. со статьей [Veevers, 1973], в которой проблематизировала невнимание академического сообщества к вопросам добровольной бездетности, призвав вывести их из «слепого пятна», а также раскритиковала пронаталистскую оптику занимающихся исследованиями семьи социологов, не дававшую им заметить добровольно бездетные пары. Впоследствии ее книга «Childless by Choice» («Бездетные по их собственному выбору») [Veevers, 1980] стала первой научной монографией, посвященной подробному и фокусированному исследованию добровольно бездетных. Именно исследованию, а не публицистическим заметкам, защищающим свободный от детей образ жизни.

Важно заметить, что NON стремилась занять на этом новом научном поприще важную роль «центрального информационного центра», который бы стал подспорьем для всех заинтересованных в теме исследователей и студентов. Они популяризировали результаты последних исследований через свои новостные бюллетени, приглашали ученых выступить на мероприятиях организации или вовсе войти в консультативный совет NON, создали собственную программу исследовательских ассистентов [Healey, 2016: 139]. Члены организации активно участвовали в исследованиях на правах информантов/респондентов.

С тех пор прошло почти четыре десятка лет, и исследования добровольной бездетности за эти годы претерпели многочисленные изменения. В 2018 г. вышло занимательное исследование, систематизировавшее англоязычные исследования добровольной бездетности за почти 100 лет, с 1920 по 2013 гг. (N = 195). Вся эта совокупность знаний, с точки зрения авторов статьи, обуславливает то, как мы понимаем добровольную бездетность сегодня [Lynch et al., 2018: 14]. Лишь шесть материалов выборки (3%) оказались на временном промежутке с 1920 по 1969 гг. Как было сказано ранее, 1970-е гг. ознаменовали собой всплеск интереса академических исследователей к вопросам добровольной бездетности, пик которого пришелся на 1980-е гг. (39%). 1990-е гг. были достаточно провальными, а 2000-е наметили новую волну внимания к добровольному отказу от прокреации [ibid.: 19—20], которая продолжается до сих пор.

Основная масса материалов в выборке — эмпирические исследования, в выборках которых преобладают граждане стран Северной Америки (57,9%),

с большим отрывом от них идут государства Европы (19,3%), а также Австралия и Новая Зеландия (13,1%). Африка и Азиатский регион в выборке практически не представлены. Последнее свидетельствует о том, что подавляющее большинство исследуемых на предмет добровольной бездетности базируются в ресурсно богатых и промышленно развитых странах [ibid.: 20—21]. Количественный исследовательский дизайн по-прежнему превалирует в исследованиях добровольной бездетности, а используемые теоретические рамки меняются от декады к декаде [ibid.: 22—25].

«Обнаруженное» в 1970-х гг., обсуждаемое исследовательское поле в 1980—2000-х гг. подвергалось самым разнообразным обследованиям (в том числе сравнительным), пытавшимся дать добровольно бездетному образу жизни научное объяснение. В 2000-х гг. был также намечен тренд на изучение следствий добровольной бездетности, включая психологические и социальные проблемы, субъективное благополучие, качество и удовлетворенность жизнью, отношения со значимыми другими, стигматизацию и адаптацию [ibid.: 27—33].

Параллельно с разработкой обсуждаемого исследовательского фокуса менялась и совершенствовалась терминология. Сегодня уже кажется наивным тот факт, что ранние исследования тех же 1970-х гг. могли себе позволить использовать единый термин «бездетные» (*childless*), не учитывая характер бездетности. Меж тем, альтернативы для определения добровольной бездетности пошли сразу по двум путям. Ниже мы проанализируем для российского контекста концепты «чайлдфри» и «добровольная бездетность», наметив некоторые точки демаркации тонкой смысловой границы между ними. Для иллюстрации и верификации последующих рассуждений мы будем использовать высказывания информантов из нашего авторского исследования 2014—2016 гг. С полным списком информантов можно ознакомиться в приложении к данной статье.

Чайлдфри: единомышленники или политические активисты?

Одной из первых и наиболее важных семантических границ, выстроенных во многом с подачи NON, является различие между понятиями *childless* (пер. с англ. «бездетный», «лишенный детей») и *childfree* (пер. с англ. «свободный от детей»). Феминистская по своей сути критика резко оспорила дискриминацию, присутствующую в семантике понятия *childless* [Kreyenfeld, Konietzka, 2017: 7]. Так, *childless*, наравне с другими понятиями, имеющими в своей морфологической структуре суффикс *-less*, утверждалось как опустошающее и делающее прямые отсылки к неблагоприятности: это понятие оказывалось применимым скорее к инфертильным людям, у которых нередко присутствует сильное желание стать родителем [Исупова, 2011]. *Childless* подразумевает у носителя некоторое сожаление об отсутствии у него детей, формирует о нем представление как о человеке, в той или иной степени обездоленном и несчастном, что едва ли соответствует состоянию людей, добровольно отказавшихся от заведения детей¹⁹. Такие трактовки русскоязычного термина «бездетность» улавливали и массовые опросы, представляя общественные стереотипы о бездетности как об обездоленности,

¹⁹ *Childless* в демографическом лексиконе также является антонимом *childed* («детный», «родитель») — термина, впрочем, не столь часто используемого исследователями.

выражающейся в отсутствии положительных эмоций или вовсе цели и смысла жизни²⁰. В свою очередь, термин *childfree* как бы выходит за рамку патологизации бездетного образа жизни и утверждает «свободу от» — от детской обузы и стереотипов существующего матримониального порядка [Underhill, 1977: 307].

Что касается российских социальных наук, то первое десятилетие XXI в. наметило здесь интерес к изучению вопроса добровольного отказа от деторождения. Этому способствовало в том числе и уже упомянутое выше «демографическое» Послание Президента В. Путина (2006). Многие из научных публикаций первых двух десятилетий текущего века лишь рассказывали о существующем «мировом тренде», пересказывая содержание ряда англоязычных обзорных статей. Те же работы, которые отражали результаты эмпирических исследований, нередко базировались на данных от информантов, рекрутированных через специализированные группы в социальных сетях или блог-платформы по типу «Живого журнала». В последнем на рубеже 2000—2010-х гг. базировалось наиболее популярное в русскоязычном интернет-пространстве «Сообщество русскоязычных чайлдфри» (<https://ru-childfree.livejournal.com/>), которое, среди прочего, становилось предметом рассмотрения социальных ученых [Кузьмина, 2011].

Осмелимся предположить, что изначальные самоидентификация и самоназвание участников сообщества послужили тому, что именно «чайлдфри» стало центральным термином как для публичного, так и для академического дискурсов, пишущих на русском языке. Явление было воспринято как нечто новое, а потому название ему дали *in vivo*. Более того, уже в 2000-х гг. термин *childfree* быстро обрел в отечественном поле широкоупотребимую русскоязычную транслитерацию «чайлдфри». С тех пор то, что вкладывается в эту лексему при ее использовании в русском языке, является отдельным и особым разговором. Но какие смыслы приобрел данный термин в русскоязычном контексте? Рассмотрим несколько стержневых элементов.

Для начала стоит сказать, что «чайлдфри» сегодня подразумевает определенную идентичность, относящую человека к соответствующему сообществу. Базисом этой идентичности является индивидуальный выбор — добровольный отказ от рождения детей. Вот что отвечали наши информанты на вопрос о том, что для них значит быть «чайлдфри».

«Чайлдфри — это осознанный выбор в пользу отказа от деторождения. Именно осознанный, именно тот, к которому человек приходит сама, и именно тот выбор, который она делает не под влиянием каких-то обстоятельств. То есть это она приняла решение, что ей так лучше, ей так выгоднее» (Евгения, 40 лет, чайлдфри).

«Это люди, которые добровольно не заводят детей по каким-то своим соображениям» (Анна, 30 лет, добровольно бездетная).

«Человек, который не хочет иметь детей. Ну вот не хочешь и все! Ты можешь быть каким угодно — богатым или бедным, — иметь какие угодно интересы, но ребенка ты не заведешь никогда. Ты лучше умрешь!» (Виктория, 33 года, чайлдфри).

Казалось бы, о какой идентичности здесь идет речь? Уловить это возможно, когда информанты начинают отказываться от самоидентификации с термином

²⁰ Вовк Е. Бездетность и нежелание иметь детей // Фонд «Общественное мнение». 2008. 29 мая. URL: <https://bd.fom.ru/report/map/d082125> (последний доступ: 27.11.2019).

по тем или иным причинам (об этом подробнее в параграфе «Добровольная бездетность»), или когда информант самостоятельно относит себя к чайлдфри-сообществу. Так себя показывает второй стержневой элемент — *стремление к объединению на основе общности образа жизни*.

«Скажем, человек может просто иметь какое-то собственное мнение и его придерживаться, или же он может начать искать себе каких-то друзей по интересам. И вот если ты пытаешься вокруг себя вот найти каких-то людей, которые тебя поддерживают в твоём мировоззрении, ты, наверное, все-таки чайлдфри. <...> Ты себя декларируешь как какой-то элемент общества, социума, какой-то группы, какого-то объединения <...> Я как-то никогда особо не искала никакой информации, я не вбивала запросы типа: «Я чайлдфри, как дальше жить?». То есть это [добровольная бездетность — И.Л.] просто какое-то мое представление о том, как мне сейчас жить. <...> Поэтому я и не считаю, что я чайлдфри» (Ольга, 25 лет, намеренно бездетная).

Одним словом, чайлдфри — это группа единомышленников, объединенная по базовому принципу добровольной бездетности и имеющая потребность в утверждении этой позиции в глазах окружающего общества. Вообще, использованное нами слово «единомышленники» появилось неспроста, а было буквально конденсировано из нарративов: завсегдаитаи и администраторы сообществ чайлдфри часто использовали его для объяснения оснований, на которых зиждутся их сообщества.

«Опять же, там единомышленники. Таким образом, не нужно их искать по всему «ВКонтакте». И там никто к тебе конкретно не обращается: кто-то пишет комментарии, кто-то смотрит. <...> Там очень много [полезных] советов дают. Если напишешь пост с просьбой о помощи, то да, помогут» (Вера, 21 год, чайлдфри).

Наконец, если мы подумаем о том, что все описанное в предыдущих параграфах дает нам для понимания концепта *childfree*, то ответ будет следующим: как минимум, то, что в него изначально был интегрирован спектр смыслов политико-активистского характера. Будучи созданным в лоне организации по защите прав не-родителей для очерчивания социальной группы людей, добровольно отказывающихся от репродукции, а также для ее последующего самоутверждения через отстаивание соответствующих прав, термин по умолчанию содержал в себе политическую идею «свободы», или скорее даже «освобождения» — от пронатализма и навязываемых обществом родительских обязанностей. Примечательно в этом плане, какое пояснение к базовому концепту *childfree* дается в одном из словарей: «термин, используемый в рамках движения добровольно бездетных людей» [Michalos, 2014: 760]. Так, можно помыслить, что и в российском контексте интериоризированный термин *чайлдфри* должен нести с собой схожие, политизированные, смыслы, а его носители — некоторую *социально-политическую мобилизованность*. Верно ли это ожидание? И да, и нет.

С одной стороны, данная характеристика вменяется сообществам чайлдфри (про)государственным изоляционистским²¹ и пронаталистским дискурсами. Например, депутат Государственной думы Виталий Милонов, неоднократно высказывавшийся против данного явления, замечал, что «любая пропаганда дви-

²¹ Чайлдфри нередко связывается политиками и СМИ с «западным влиянием», формой внешней интервенции.

жения чайлдфри является вредной в обществе <...> это радикальная негативная идеология»²², тем самым утверждая о существовании в России политического движения, представляющего для страны некоторую демографическую угрозу. Общественные pro-life организации, в свою очередь, выступали против чайлдфри-сообществ как содержащих «противоречащую государственной семейной политике» информацию и предлагая их блокировать²³. Не остались в стороне и аффилированные с государством федеральные средства массовой информации²⁴. На уровне этого дискурса обсуждаемые сообщества воспринимаются ровно в том же смысле, в каком они возникли и долгие годы существовали в США и других странах западного мира. Будучи в поиске «врага», виноватого в неудачах демографической политики, (про)государственный дискурс приписывает сообществам чайлдфри ответственность, значительно больше той, за которую они по факту в состоянии отвечать.

С другой стороны, среди членов сообществ чайлдфри, особенно среди их администраторов, очевидно стремление абстрагироваться от приписываемой им характеристики политического свойства, откеститься от любого рода политической вовлеченности их активности в онлайн или офлайн.

«Я не думаю, что как-то буду протестовать, потому что смысла в этом не вижу. Также и не буду заводить нежеланного ребенка и обречать его на несчастную жизнь. Это уже, как минимум, две несчастные жизни» (Анастасия, 33 года, чайлдфри).

Да, безусловно, членов виртуальных тематических сообществ не может не беспокоить политическая повестка, затрагивающая спектр их выбора в рамках индивидуальных репродуктивной и жизненной стратегий (например, инициативы о введении налога на бездетность²⁵ или регулярно возникающие идеи об ограничении или запрете аборт²⁶), однако обсуждение этого не выливается во что-либо оформленное, не порождает коллективного действия. Более того, сама постановка вопроса о якобы существующем в России «движении чайлдфри» приводела информантов в замешательство.

«Понимаете, тут дело в том, что чайлдфри не представляют собой какого-то движения» (Иван, 37 лет, добровольно бездетный).

«Зачем в политику лезть — еще куда не надо лезть! Я всецело за то, что мы собираемся, общаемся. <...> В основном, да, в онлайн, иногда мы выбираемся в офлайн,

²² Годуненко О. «Движение одержимых людей». Милонов назвал чайлдфри-сообщество больным // Life Новости. 2018. 6 ноября. URL: https://life.ru/t/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/1167186/dvizhenie_oderzhimyykh_liudiei_milonov_nazval_chajldfri-soobshchestvo_bolnym (последний доступ: 27.11.2019).

²³ Астахов П. В России предложили блокировать сообщества чайлдфри в соцсетях // Russia Today. 2018. 6 ноября. URL: <https://russian.rt.com/russia/news/570815-blokirovka-soobshchestva-chajldfri-socseti> (последний доступ: 27.11.2019).

²⁴ Решетникова Е. Дамы — жесь. Угрожает ли психология чайлдфри российской семье // Российская газета. 2019. 14 марта. URL: <https://rg.ru/2019/03/14/ugrozaet-li-psihologija-chajldfri-rossijskoj-seme.html> (последний доступ: 27.11.2019); Движение «чайлдфри» — «свободные от детей» — набирает обороты в России и Европе // Первый канал. 2014. 28 сентября. URL: https://www.1tv.ru/news/2014-09-28/34043-dvizhenie_chajldfri_svobodnye_ot_detey_nabiraet_oboroty_v_rossii_i_evrope/ (последний доступ: 27.11.2019).

²⁵ Бричкалевич И. Православные активисты предложили вернуть налог на бездетность // Московский комсомолец. 2019. 6 сентября. URL: <https://www.mk.ru/economics/2019/09/06/pravoslavnye-aktivisty-predlozhi-vernut-nalog-na-bezdetnost.html> (последний доступ: 27.11.2019).

²⁶ Королева Е. «Гробы вместо колыбели»: как идут на подпольные аборты // Газета.Ru. 2019. 28 сентября. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2019/09/21/12665743.shtml> (последний доступ: 27.11.2019).

в формат дружеских посиделок. Но никакой политической организации, общественной организации или еще какой-то это все не несет с собой» (Сергей, 21 год, чайлдфри).

«Мы не ходим на митинги, потому что понимаем, что это [обсуждался ряд инициатив, направленных на регулирование сферы приватного — И.Л.] никогда и не примут, потому что в Думе не дураки сидят. Они понимают, чем это может закончиться: как минимум, криминальными абортами и повышением младенческой смертности» (Виктория, 33 года, чайлдфри).

Таким образом, социально-политическая мобилизованность чайлдфри в российском контексте довольно расплывчата и едва ли имеет какую-либо оформленность. Мы связываем такое положение в первую очередь с контекстом всеобщей деполитизации, являющейся основным трендом истории современной России, начиная со второй половины 1990-х гг. [Журавлев, 2015: 38—42]. И хотя в последние годы гражданская культура в России становится более оформленной (например, на фоне «болотного»²⁷ и «московского дел»²⁸, а также «мусорного кризиса»²⁹), общая неразвитость в отечественном контексте активизма, базирующегося на специфических постматериалистических идеях [Inglehart, 1977], тормозит политизацию добровольной бездетности. Ей не способствует также нехватка навыков ведения аргументированных споров и отсутствие конвенционального языка говорения о политике [Gladarev, 2016]: последний не способен сформироваться всего за несколько лет. Иными словами, в России политическая активность групп «чайлдфри» скорее сконструирована пронаталистской по своей сути пропагандой.

Чайлдфри и семантический хаос

«Они никогда не получают 250 000 рублей за второго ребенка хотя бы потому, что не хотят даже первого. Чайлдфри — люди, сознательно отказывающиеся от того, чтобы продолжать свой род; теперь они есть и в России»³⁰.

Именно с такого определения начинается одна из ранних — и достаточно спокойных по своему накалу — журналистских публикаций о добровольной бездетности в достаточно солидном издании. Несмотря на то, что далее в ней речь идет о людях, объединенных в онлайн-сообщество, в определении значится лишь один объединяющий фактор — отказ от прокреации. Как уже было сказано, это базовый фактор для семантики понятия «чайлдфри», равно как и для всего поля добровольной бездетности. Кажущаяся простота создает ощущение ясности, однако это совсем не так. СМИ, политики, публичные лица, социологи, психологи и прочие эксперты — все они оказываются заложниками ситуации, где центральным для изъяснения термином является именно «чайлдфри». Каждый обращается с ним по-своему, наполняя все новыми и новыми смыслами.

Например, русскоязычные исследовательские работы часто описывают чайлдфри как «феномен», «субкультуру» или вовсе «идеологию». Если описание явления через

²⁷ Сапронова Ю. Что происходило на Болотной площади пять лет назад // РБК. 2017. 6 мая. URL: <https://www.rbc.ru/photoreport/06/05/2017/5909fdd69a7947319336b0bc7> (последний доступ: 27.11.2019).

²⁸ Дело о «массовых беспорядках» в Москве 27 июля 2019 года // Мемориал. 2019. URL: <https://memohrc.org/ru/special-projects/delo-o-massovyh-besporядkah-v-moskve-27-iyulya-2019-goda> (последний доступ: 27.11.2019).

²⁹ Никитина О. Мусорный атлас // Коммерсантъ. 2018. 8 декабря. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3600872> (последний доступ: 27.11.2019).

³⁰ Родина Е. Добровольно бездетные // Огонек. 2006. 9 июня. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2297306/> (последний доступ: 27.11.2019).

«феномен» очень расплывчато, то рассмотрение чайлдфри через призму идеологии кажется перспективным. Тем не менее качество таких работ по-прежнему оставляет желать лучшего, и достойного исследования, рассматривающего «чайлдфри» как ту же фрагментарную идеологию [Чутков, 2017], пока еще не опубликовано³¹. Исходя из количества и качества имеющихся публикаций, можно сказать, что добровольная бездетность слабо изученной, несмотря на то, что этот социальный аспект вызывает немало интереса у общества, а также сравнительно регулярно возникает в качестве тем учебных исследований, проводимых студентами. Используемая в таких работах терминология, как правило, целиком и полностью заимствуется из зарубежных источников. Как результат — некоторые термины по невнимательности исследователей меняют свое смысловое содержание. Более того, путаница глубоко укоренена в самом дискурсе изучаемых сообществ и продолжает культивироваться.

Размытость данной категории едва ли оставляет пространство для ее сколько-нибудь внятной операционализации, что выливается в разного рода псевдонаучные и/или про-фамилистские тексты, описывающие «чайлдфри» в терминах «демографической безопасности», «экстремизма» и т. п. Более того, даже в англоязычном дискурсе обсуждаемый термин обрел побочные коннотации, ограничивающие его использование в качестве операциональной категории. Например, Эллен Уиллис полагала, что само использование слова *childfree* несет в себе «чувство превосходства» над женщинами с детьми, полагая их «слишком глупыми» из-за того, что они не смогли избежать материнства (цит. по [Healey, 2016: 143]). В свою очередь, Стюарт Бастен писал, что данный термин, помимо его «позитивного» значения (в отличие от *childless*) также может быть проинтерпретирован в значении эмансипации, освобождения от детей, то есть дети им как бы вовсе и не приветствуются [Basten, 2009: 9].

Что касается СМИ, то, по замечанию социолога Анны Шадринной, массовая печать на постсоветском пространстве при разговоре о добровольной бездетности нередко скатывается в психопатологический дискурс и «оценивает однозначно негативно опыт людей, чьи жизненные планы не включают родительство» [Шадринна, 2014: 161—164].

«...» На постсоветском пространстве я заметила непреодолимое желание залезть в чужую жизнь и возмутиться» (Анастасия, 33 года, чайлдфри).

Используя все ту же терминологию, пресса нередко — посредством изоляционистского по своей сути дискурса — позиционирует добровольный отказ от деторождения в терминах «западной интервенции»³² или психиатризует индивидуальный выбор. Тем не менее в последние годы все чаще появляются журналистские работы, стремящиеся избрать понимающую стратегию в отношении добровольной бездетности, — особенно в независимых СМИ³³.

³¹ Меж тем, существуют данные, подтверждающие, что в паре один из партнеров скорее согласится с другим партнером и примет для себя добровольно бездетный образ жизни [Chancey, Dumais, 2009], однако это едва ли говорит о заразительном характере добровольной бездетности.

³² О трансформациях отношения россиян к «Западу» в лице США см. [Sokolov et al., 2018].

³³ Селивирова Е. Чайлдфри: Без паники. Социологический взгляд // Частный корреспондент. 2010. 21 мая. URL: http://www.chaskor.ru/article/chajldfri_bez_paniki_-_sotsiologicheskij_vzglyad_17446/ (последний доступ: 27.11.2019); Прибора И. Мне скоро 30, и я не хочу детей. Это нормально? // Нож. 2019. 20 июня. URL: <https://knife.media/childfree/> (последний доступ: 27.11.2019).

Все упомянутые выше дискурсы, как правило, используют один и тот же термин — «чайлдфри», — наполняя его самыми разнообразными смыслами. То же самое происходит и в английском языке, где сегодня имплементируются все более изощренные формы и без того в базе своей политически заряженного термина: например, *voluntarily childfree* [Mollen, 2006; Miettinen et al., 2015: 35] или *childfree by choice* [Agrillo, Nelini, 2008; Blackstone, 2019].

В академическом и публичном русскоязычных дискурсах термин «чайлдфри» был интериоризирован в чрезмерно расширительном значении, включив в себя множество смыслов. Так, он оказался семантически перегружен и тем самым малопригоден для использования в исследованиях в качестве операционального понятия. В такой форме термин «чайлдфри» едва ли имеет эвристический потенциал. Ориентируясь на более четкие и ясные концепты, следует искать способы абстрагироваться от множественных «шумов» интерпретаций и политической пропаганды.

В исследованиях и журналистских публикациях часто можно прочесть, что *чайлдфри* и *добровольная (сознательная) бездетность* — это одно и то же. Схожую концепцию представляли и некоторые информанты:

«В принципе, *чайлдфри* — это и есть *добровольно бездетные*. Как бы слова-синонимы. <...> Просто *чайлдфри* — это иностранное слово, а *добровольно бездетный*, можно сказать, — *российское*» (Сергей, 21 год, *чайлдфри*).

Однако тот факт, что ряд наших информантов категорически отказались принимать на себя идентичность «чайлдфри», показывает, что этим понятием невозможно объять весь спектр ситуаций добровольного отказа от рождения детей (разве что авторитарно приписывая категории и не считаясь с мнением информанта). Так, мы полагаем, что отождествление терминов *voluntary childlessness* и *childfree* имеет под собой мало оснований и нуждается в пересмотре.

Добровольная бездетность

Деление на *добровольную (voluntary)*³⁴ и *вынужденную (involuntary)* бездетность является простейшей и базовой дихотомией, позволяющей разграничить причины бездетного статуса информанта/респондента [Roy, Schumm, Britt, 2014: 53—61]: если в случае вынужденной бездетности причины часто биологические (в первую очередь речь здесь идет об инфертильности³⁵), то добровольная имеет под собой более широкий спектр оснований, которые в основном связаны с индивидуальным выбором человека. Любое современное исследование, сфокусированное на явлении добровольной бездетности, имеет в своей основе это базовое деление или, как минимум, подразумевает его³⁶.

³⁴ Также в некоторых работах используется прилагательное *intentional* (пер. с англ. «сознательная», «намеренная»).

³⁵ Тем не менее многие ранние исследования включали в категорию вынужденно бездетных незамужних женщин. См., например, [Veivers, 1979: 3]. Это связано также с тем, что причинами вынужденной бездетности могут быть и недоступность партнерства, для многих обязательного при рождении детей, и плохие условия для взращивания детей, и ограничивающие возможности пользования вспомогательными репродуктивными технологиями институциональные условия, и т. д.

³⁶ Конечно, те же данные опросов имеют собственные изъяны, поскольку респонденты совершенно не обязательно доподлинно знают о том, фертильны они или нет [Kreyenfeld, Konietzka, 2017: 7]. И пусть распространение вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) несколько размывло границу между эмпирическим пониманием вынужденной и добровольной бездетности, вопрос остается актуальным: например, в Великобритании и Германии до 5%—10% от каждой возрастной когорты по-прежнему остаются бездетными по биологическим причинам [Berrington, 2017; Tarpe, 2017: 281].

Добровольная бездетность может быть понята, как минимум, в двух смыслах. Во-первых, расширительное понимание представляет ее в качестве одной из стратегий репродуктивного поведения человека. Так, каждый человек, который добровольно делает выбор остаться бездетным в силу тех или иных причин, как правило, не связанных с инфертильностью³⁷, может быть назван «добровольно бездетным». Это аналитически сконструированный зонтичный термин, который покрывает все разнообразие проявлений добровольной бездетности. К примеру, человек, называющий себя «чайлдфри», также в этом смысле является «добровольно бездетным», то есть человеком, живущим полноценной сексуальной жизнью, возможно, состоящим в браке, но целенаправленно принимающим меры для того, чтобы у него не рождались дети³⁸. «Чайлдфри» при этом также сохраняет ряд собственных специфических характеристик, оставаясь включенным в общий смысл добровольной бездетности и являясь одним из ее проявлений.

Вопрос: «Если человек не хочет заводить детей, предпринимает ради этого все действия (контрацепция и прочее), но не состоит в группах чайлдфри, либо просит его так не называть. В таком случае будет ли он чайлдфри?»

Информант: «Формально он и будет считаться. Если человек не заводит детей, ведет себя как чайлдфри, говорит как чайлдфри, тогда он чайлдфри» (Анастасия, 33 года, чайлдфри).

На этом можно было бы остановиться, но мы предлагаем обратить внимание на то, какое определение данная информантка дала «чайлдфри»:

«[Чайлдфри —] просто нежелание заводить детей» (Анастасия, 33 года, чайлдфри).

Такая концепция не подразумевает ничего, кроме индивидуального и добровольного выбора остаться бездетным и его практического исполнения. Подобные высказывания встречались и в других интервью информантов, позиционировавших себя как «чайлдфри» (см. параграф «Чайлдфри: единомышленники или политические активисты?»). Так, мы можем судить о наложении концепта «чайлдфри» на концепт «добровольная бездетность» (расширительное понимание) в свете общности базового смысла, заложенного в них: добровольного отказа от репродукции. Меж тем, как мы уже знаем, «чайлдфри» также несет в себе дополнительные характеристики, а вместе с ними и смыслы.

Во-вторых, можно также выделить узкое понимание добровольной бездетности. Последняя сужается за счет открытого позиционирования себя обществу в качестве человека, добровольно отказавшегося от рождения детей, то есть опять-таки через определенную идентичность. Последняя формулируется фразой «я просто не хочу детей». В отличие от семантики «чайлдфри», для узкого понимания добровольной бездетности не свойственны ни стремление к объединению

³⁷ Впрочем, даже инфертильность в наше время не может считаться полноценным основанием для незаведения детей: развитие различных форм вспомогательных репродуктивных технологий и/или доступность усыновления позволяет закрыть эту лауну. Человеку, не прибегающему к вспомогательным репродуктивным технологиям или усыновлению, приходится как-то обосновывать собственный отказ от пользования этими опциями. Даже гомосексуальность в ряде стран с инклюзивным законодательством в отношении негетеросексуальных людей уже не является автоматическим «обоснованием» бездетности: существует масса способов стать родителем.

³⁸ Так, изначально упомянутое нами в «Первичных замечаниях» определение, данное Ольгой Исуповой «чайлдфри» [Исупова, 2010], в немного переформулированной форме становится весьма удобным при определении добровольно бездетного образа жизни в его расширительном понимании.

в группы единомышленников, ни самоопределение через маркер «чайлдфри», ни тем более социально-политическая мобилизованность. Это не сообщество, а лишь отдельные люди или пары, которые целенаправленно практикуют нерепродуктивный секс и самостоятельно вырабатывают стратегии взаимодействия с «детоцентристским» обществом.

Информант: «Я не говорю, что я чайлдфри, обычно».

Вопрос: «А что ты обычно говоришь?»

Информант: «Я говорю, что я не хочу детей, отстаньте! Потому что на самом деле очень часто — почти каждый день — кто-нибудь об этом что-нибудь говорит» (Снежана, 23 года, добровольно бездетная).

«Нет, нет! Я знаю, что есть сообщества, но нам не нужна поддержка еще кого-то <...> мы так себя не позиционируем, просто для нас это означает жить своей жизнью. <...> Обычно еще людей это название [чайлдфри — И.Л.] сильно коробит. То есть мы просто говорим, что у нас нет детей» (Татьяна, 39 лет, добровольно бездетная).

«Просто некоторые не любят этого слова [чайлдфри — И.Л.], говорят: «Не называйте меня так, я просто не хочу детей». Их право» (Анастасия, 33 года, чайлдфри).

«Добровольно бездетный»³⁹, в отличие от «чайлдфри», — более широкое, но в то же время фундаментальное и максимально очищенное от каких бы то ни было дополнительных смыслов понятие. *Широкое* — потому что включает в себя как людей, для кого принятие решения о незаведении детей является лишь частью собственного мировоззрения, так и тех, кто объединяется в определенные сообщества, используя само это решение в качестве базы для сплочения. *Фундаментальное* — потому что, так или иначе, концепция чайлдфри базируется на аспектах, полностью присущих добровольно бездетным. *Очищенное от дополнительных смыслов* — потому что добровольная бездетность не принимает никаких иных смыслов, помимо одного, выраженного во фразе «я не хочу иметь детей». Одновременно само понятие «чайлдфри», как уже было отмечено, по умолчанию содержит в себе значение борьбы за «свободу от детей».

Отметим, что в русском переводе термина *voluntary childlessness* также может употребляться прилагательное «сознательная». Перевод таким образом не получается дословным и смещает фокус понятия на «осознанность», подразумевает присутствие рации, что отмечалось некоторыми информантами.

«Я не животное: я головой думаю и понимаю, что я детей не хочу вообще никогда» (Виктория, 33 года, чайлдфри).

«Добровольный» определяется классическим словарем под редакцией Сергея Ожегова как «совершаемый или действующий по собственному желанию, не по принуждению» [Ожегов, Шведова, 2006: 169], в то время как «сознательный» — это «намеренный, совершенный по размышлению, обдуманный» [там же: 744]. Первое определение оказывается ближе смыслу *voluntary childlessness*: в его центре именно отсутствие желания, в то время как «сознательность» более свойственна уже упомянутому нами термину *intentional childlessness*. Последнее

³⁹ Здесь речь идет именно о добровольной бездетности в расширительном понимании, то есть о «добровольно бездетном» как о носителе соответствующего репродуктивного поведения. Как некоторый ярлык «добровольно бездетный» в русскоязычном разговорном контексте не устоялся: это поле монополизировано термином «чайлдфри». Как уже было сказано, «добровольно бездетные» будут скорее говорить о себе как о людях, не желающих иметь собственных детей.

выстраивает вокруг отказа от деторождения аргументацию-рационализацию, которая производится умственными усилиями, а следовательно — посредством мыслительного процесса, размышлений. В данном случае рациональные причины превалируют над эмоциональными, и изменение ситуации может привести к рождению у сознательно бездетных людей детей и даже к счастливому родительству. Мы же ведем речь скорее о поле репродуктивных (не)желаний и, в частности, о нежелании иметь детей ни при каких условиях.

Заметим, тем не менее, что употребление термина «добровольный» может вывести нас на кантовское понимание «доброй воли» как некоторого абсолютного начала морали [Гусейнов, 2000]. Поскольку этически добровольный/сознательный отказ от деторождения нередко оспаривается, то использование соответствующего прилагательного может порождать неудобные вопросы.

Наконец, важно также отличать добровольную бездетность от *intended childlessness* (пер. с англ. «намеренная бездетность»). Намеренно бездетные, как и добровольно бездетные, не имеют детей и утверждают, что не намереваются, однако при ответе на вопрос об идеальном числе детей, родившихся у них за всю жизнь, могут назвать число, отличное от нуля [Miettinen et al., 2015: 35]. Намеренная бездетность вполне может быть и формой вынужденной бездетности.

«Я не знаю, можно ли в нашей стране быть бездетным добровольно. Это <...> такая очень сложная формулировка. С давлением общества и прочими подобными пирогами. Просто я для себя самой определяю это так, что мне в данный момент детей заводить не стоит» (Ольга, 25 лет, намеренно бездетная).

Чайлдхейт, или ненавидящие детей

В контексте всего описанного выше интересен нередко употребляемый в общественно-популярном дискурсе о добровольной бездетности термин «чайлдхейт» (от англ. *childhate* — «ненавидящие детей»). В онлайн-дискуссиях, популярных материалах и интервью он часто используется в связке с «чайлдфри»: мол, это разные вещи и их следует различать. Такую позицию проявляют и «практические» примеры: например, встречающееся в дискуссиях шутивное описание «детоненавистников» через стереотип о том, что они занимаются «подбрасыванием лезвий в песочницы». Меж тем, даже поверхностный поиск по базам научного цитирования дает возможность увидеть: если термин *childhate* где-то и встречается в рамках дискуссий о добровольной бездетности, то разве что в русскоязычных публикациях и, как и в случае с *childfree*, употребляется *in vivo*.

В то время как среди завсегдатаев российских онлайн-сообществ чайлдфри распространено отождествление данного термина с семантикой явления добровольной бездетности (и наоборот), в случае с чайлдхейт история поворачивается ровно противоположной стороной: в большинстве своем чайлдфри демонстрировали несогласие с объединением двух этих терминов.

«Мне не нравится, когда путают чайлдфри и чайлдхейт» (Евгения, 40 лет, чайлдфри).

«Нельзя чайлдфри и чайлдхейт смешивать. Их нельзя смешивать, это абсолютно разные вещи! Чайлдфри спокойно относится к чужим детям, но не желает иметь своих. Чайлдфри просто хочет жить в собственное удовольствие — это пока еще не преступление» (Игорь, 26 лет, чайлдфри).*

«Если где-то выступают люди чайлдхейт под вывеской «чайлдфри», то мне кажется, что это смешение понятий случайно, по незнанию. Либо это заведомо введение людей в заблуждение» (Иван, 37 лет, добровольно бездетный).

Но кто же такие эти самые «чайлдхейт»? Численность онлайн-сообществ чайлдхейт даже относительно сравнительно немногочисленных чайлдфри⁴⁰ чрезвычайно мала. В нашем исследовании ни один из информантов не был готов целиком и полностью презентовать себя через призму «чайлдхейт». Тем не менее мы просили их дать определения как чайлдфри, так и чайлдхейт. Буквально сразу, еще в процессе сбора эмпирического материала, очевидным стало, что чайлдхейт большинством исследуемой группы воспринимается в качестве своеобразного антипода или точки постоянной референции.

«Чайлдфри — это люди, которые добровольно не заводят детей, но при этом не испытывают к ним никакой ненависти. А чайлдхейт — это люди, которые питают антипатию к детям, стараются избегать их, не заводят дружбу, допустим, с теми, у кого есть дети» (Анна, 30 лет, добровольно бездетная).

Чтобы оставаться отдельной социальной группой, необходимо постоянно очерчивать и пересматривать собственные границы, особенно если твоя группа флюидна и обитает преимущественно в таком быстро растущем и меняющемся пространстве, как онлайн. Так, чайлдфри выстраивают границу между собой и чайлдхейтерами. Конструирование собственного образа основывалось на модели «мы — они» и имело под собой желание представить себя с наилучшей стороны в ущерб «противнику».

«<...> Я не считаю себя чайлдхейтером, потому что у меня есть такое разделение: чайлдхейт — это тот, кто вредит, подкидывает лезвия в песочницы. <...> Я все же считаю себя чайлдфри, потому что никаким вредительством и какой-нибудь пропагандой адской я не занимаюсь» (Галина, 40 лет, чайлдфри).

Чайлдхейт в глазах многих опрошенных нами чайлдфри отличаются агрессией не только к детям как таковым, но и также к людям, проявляющим «детоцентризм». Причем среди чайлдхейт оказываются и бездетные, и детные. Порой слышны и утверждения о чайлдхейт как о людях с некоторой психологической или какой-либо иной травмой. Так или иначе, далеко не все чайлдфри готовы принимать и тем более разделять столь радикальную позицию по «детскому вопросу», многие осуждают ее и, само собой, видят в этом угрозу для себя самих:

«Чайлдхейт порочат <...> образы чайлдфри, потому что гонения идут как раз-таки на чайлдхейт. Чайлдфри и чайлдхейт — люди объединяют их в одну группу и обоих считают детоненавистниками» (Ксения, 31 год, чайлдфри).

Чайлдфри, безусловно, могут иметь абсолютно искреннее мнение в отношении позиции чайлдхейт, но в то же время через создание этого противоположного себе образа они конструируют себя самих в качестве более «терпимых», «равнодушных», «спокойных», «положительных». Более того, администраторы сообществ признавались, что в онлайн-контексте чайлдхейт вполне себе может быть чем-то напускным:

«Чайлдхейт [— это те, кто] детей ненавидит. Либо второй вариант, что более часто встречается в Интернете, — тролли» (Сергей, 21 год, чайлдфри).

⁴⁰ Крупнейшее сообщество чайлдфри во «ВКонтакте» «Подслушано чайлдфри» имеет порядка 60 тысяч подписчиков.

Отчасти такая позиция объясняет, почему нам в ходе сбора эмпирической базы исследования едва ли удалось выйти на людей, которые бы *напрямую* определяли себя в качестве «чайлдхейт», и, возможно всерьез вести речь о последних вообще не стоит. Меж тем, наша информантка, выражавшая позицию, наиболее приближенную к тому, что описывалось другими как «чайлдхейт»⁴¹, с этим бы не согласилась. Ее точка зрения в хоре порицания со стороны чайлдфри выглядит весьма занимательно:

«Чайлдхейт пытаются бороться как можно сильнее, в Интернете высказывать, на улицах высказывать. Просто для того, чтобы сказать девушкам, что есть выбор. Чтобы они не шли, не обдумав, на какие-то шаги очень важные. <...> Чайлдхейт более открытые и агрессивные. Но агрессия не всегда негативна: иногда она бывает положительной, потому что это необходимо» (Светлана, 20 лет, чайлдфри-чайлдхейт).

Высказывание выше — интересная попытка рационализации своей ненависти к детям и ее переводению в более-менее «социально полезное» русло. Тем не менее с эмпирической точки зрения типичным этот нарратив назвать нельзя: подобное объяснение присутствовало лишь в одном интервью. Так или иначе, но обсуждение «детоненавистников» является инструментом для перманентного выстраивания и переутверждения собственной идентичности в качестве чайлдфри, а также сплочения соответствующей группы единомышленников.

«В нашей группе <...> есть те, кто ненавидит детей. Из-за них все считают, что все мы ненавидим детей. Если человек ненавидит детей, то он не обязательно должен быть чайлдфри! Бывают такие родители, которые заводят ребенка, не желая того, и поэтому они его ненавидят <...> А чайлдфри — это именно тот, кто не хочет иметь своих детей» (Хельгус, 33 года, чайлдфри).

Более того, выстраивание границы между чайлдфри и чайлдхейт — это возможность для первых защитить себя от ударов пронатализма и детоцентристского общества, избежать маргинализации добровольно бездетной позиции, а также ее возвеличивания до уровня детоненавистнической. Иными словами, это попытка сказать, что детей ненавидит кто угодно, но только не чайлдфри. Более того, чайлдхейт также нередко оказывается политическим конструктом в руках оппонентов и алармистских средств массовой информации⁴².

В любом случае жестокие люди существовали всегда, да и отношение к детям менялось от эпохи к эпохе [deMause, 1975; Dunn, 1975; Калверт, 2009; Heywood, 2018]. Телесные наказания детей столетиями были (а для кого-то остаются) ключевым «педагогическим» элементом [Кон, 2012ab], а инфантицид [Михель, 2007] по-прежнему сохраняет актуальность. Современная цивилизация, меж тем, аккумулировала в своей культуре ценность детства и даже в некоторой степени сакрализовала его [Zelizer, 1985], превратила детей в «стержень, вокруг которого

⁴¹ Полностью в качестве «чайлдхейт» данная информантка себя не признавала и указывала на частую изменчивость собственной идентичности.

⁴² См., например: Почему они ненавидят детей: в соцсетях активизировалось движение чайлдхейтеров // РЕН ТВ. 2018. 15 мая. URL: <https://ren.tv/news/v-rossii/302509-pochemu-oni-nenavidiat-detei-v-sotssetiakh-aktivizirovalos-dvizhenie-chajldkheiterov> (последний доступ: 27.11.2019); Игнатенко И. Виталий Милонов призвал обратить внимание на сообщества «чайлдфри» и «чайлдхейт» в социальных сетях // Вечерняя Москва. 2018. 20 ноября. URL: <https://vm.ru/news/345354-vitalij-milovov-prizval-obratit-vnimanie-na-soobshchestva-chajldfri-i-chajldhejt-v-socialnyh-setyah> (последний доступ: 27.11.2019).

организовывается вся жизнь семьи» [Вишневский, 1978: 93]. В этих условиях вопросы жестокого отношения к детям, а также дискурс о нежелании связывать собственную жизнь с родительством или тем более сожаление о подобном жизненном опыте — все это едва ли находит понимание в современном обществе [Curtis, 2013; Mullins, 2018].

Родители нежеланных детей

Здесь не менее важным будет заметить, что среди участников сообществ чайлдфри можно обнаружить немало людей, которые, родив одного ребенка, разочаровываются в своих ожиданиях и, не желая более заводить детей, также стремятся назвать себя чайлдфри. Сообщество же определяет их скорее в качестве «родителей» или «адекватных людей» (в противовес «овуляшкам» и «яжматерям»), при этом «настоящими» чайлдфри не являющихся. Так, администраторы крупных виртуальных чайлдфри-сообществ накладывают определенные ограничения, например, позволяющие только «настоящим» чайлдфри участвовать в призовых конкурсах. Одна из администраторов чайлдфри-сообщества в «Живом журнале» так рефлексировала по поводу его состава:

«<...> Удивительно, что очень много приходит детных. Тех, у кого уже есть один ребенок, а окружающие давят по поводу второго. Эти люди понимают то, о чем мы говорим, и не торопятся осуждать»⁴³.

Для данного явления используется понятие *reluctant parents* (пер. с англ. «неохотные родители» или «родители нежеланных детей»), обозначающее людей, которые идеальным числом детей, родившихся у них за всю жизнь, называют «ноль», хотя сами уже являются родителями. В одном из исследований, основанном на данных Евробарометра, отмечалось, что доля таких случаев чрезвычайно мала — ниже процента [Miettinen et al., 2015: 36]. Число ответов такого рода можно списать как на формулировку задаваемого вопроса, так и на фактор социального (не) одобрения. Более или менее точно определить масштабы явления сожаления о родительстве пока что едва ли представляется возможным.

Будучи табуированными культурой современных обществ, ситуации сожаления о родительстве не проговариваются, что создает психологически трудные условия для носителей статуса «неохотного родителя». Не случайно опубликованное несколько лет назад исследование израильского социолога Орны Донат [Donath, 2017] — в котором она, кажется, одной из первых дала голос женщинам, разочаровавшимся или даже сожалеющим об их родительском опыте, — породило большую дискуссию в Германии и других странах⁴⁴. Исследователи из США замечали, что сожаление о родительстве морально предосудительно, при этом предлагая отделять это в целом внутреннее психологическое состояние от внешних обстоятельств, которые так или иначе могли препятствовать успешному родительству (например, вынужденное жертвоприношение своих временных, материальных

⁴³ Родина Е. Добровольно бездетные // Огонек. 2006. 9 июня. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2297306/> (последний доступ: 27.11.2019).

⁴⁴ Febvre C. After Israeli Study, 'Regretting Motherhood' Debate Rages in Germany. *The Times of Israel*. 2016. June 27. URL: <https://www.timesofisrael.com/after-israeli-study-regretting-motherhood-debate-rages-in-germany/> (последний доступ: 27.11.2019).

и прочих ресурсов, отсутствие и недостаточность вовлеченности партнера в практики воспитания и ухода, и т. д.) [Moore, Abetz, 2019]. Как отмечала в начале века Элис Белчер, культивирующаяся граница между женщинами-матерями и добровольно бездетными женщинами постепенно возымеет «все возрастающее значение для нового тысячелетия» [Belcher, 2000]. В частности, уже упомянутая ранее идеология «интенсивного материнства» [Исупова, 2018] выстраиванию этой границы всецело способствует: родительство начинает носить образ большого труда, который понравится и будет по зубам далеко не каждому. В этих условиях остаться бездетным является сравнительно более выгодной жизненной стратегией, нежели дать жизнь (возможно) нежеланному ребенку.

В современной России альтернативный публичный дискурс также все чаще касается вопросов нежеланного родительства, протестуя против засилья детоцентристской модели. Например, российский рэпер Noize MC (Иван Алексеев) в 2017 году вместе с певицей Монеточкой (Елизавета Гырдымова) выпустили ко Дню защиты детей клип на провокационную песню под названием «Чайлдфри». Несмотря на заглавие, текст композиции посвящен скорее остросоциальной проблеме нежеланных детей и безответственных родителей, а термин «чайлдфри» используется в значении «добровольной бездетности» в ее расширительной форме. Сам автор комментировал премьеру песни следующим образом:

«Огромное количество родителей фактически игнорируют своих детей, не пытаются найти с ними общий язык, не вникают в их интересы и проблемы, а когда потом случается абсолютно закономерный коллапс, виноваты оказываются музыканты с «неправильным репертуаром». <...> Многие современные родители вручают своим детям айпад с двухлетнего возраста и идут заниматься своими делами, а потом удивляются, что подростки подписываются на «паблики смерти»»^{45,46}.

Не удивительно, что представленная в песне достаточно критичная и прямая позиция вызвала дискуссию⁴⁷. Выход за пределы конвенциональной пронаталистской модели и порождаемого ею дискурса в поле альтернативных мнений моментально политизирует вопрос, казалось бы, индивидуального выбора.

Переопределяя концептуальное поле

Итак, не каждый человек, добровольно отказывающийся от рождения детей, является чайлдфри.

ЧАЙЛДФРИ ≠ ДОБРОВОЛЬНО БЕЗДЕТНЫЙ

Это может быть объяснено как его собственной идентификацией, так и его непринадлежностью к сообществу чайлдфри. Соответственно, и явление добровольной бездетности невозможно в полной мере приравнять к явлению чайлдфри, и наоборот.

⁴⁵ Подразумевается дискуссия о якобы существующей в социальной сети «ВКонтакте» секте, причастной к самоубийствам подростков в России. Триггером дискуссии послужила статья «Группы смерти» обозревателя «Новой газеты» Г. Мурсалиевой. Подробнее см. [Архипова** и др., 2017].

⁴⁶ Никитин А. Noize MC приурочил ко Дню защиты детей клип «Чайлдфри» // Афиша Daily. 2017. 1 июня. URL: <https://daily.afisha.ru/news/8708-noize-mc-priurochil-k-dnyu-zaschity-detey-klip-chayldfri/> (последний доступ: 27.11.2019).

⁴⁷ Козлова Н. Спели под протокол. Следователи поищут нарушения закона в песне Монеточки и Noize MC // Российская газета. 2018. 3 октября. URL: <https://rg.ru/2018/10/03/sledovately-poslushaiut-pesniu-monetochki-i-repera-noize-mc.html> (последний доступ: 27.11.2019).

Здесь и далее: ** 26.05.2023 внесена в реестр иностранных агентов.

ЧАЙЛДФРИ ≠ ДОБРОВОЛЬНАЯ БЕЗДЕТНОСТЬ (уз.)

Меж тем, чайлдфри включены в общий смысл добровольной бездетности (в ее расширительном значении как одной из стратегий репродуктивного поведения человека): они лишь одно из ее проявлений, и стоит отметить — одно из самых ярких проявлений.

Добровольная бездетность в расширительном понимании полностью включает в себя добровольную бездетность в узком смысле (то есть индивидов, позиционирующих себя через фразу «я просто не хочу иметь детей» и не объединяющихся в те или иные сообщества, не высказывающих эту позицию вовне), а также частично включает концепт «чайлдфри»: для них обоих добровольная бездетность в расширительном понимании является ключевым элементом. Тем не менее дополнительные характеристики «чайлдфри» остаются за пределом поля добровольной бездетности в ее расширительном понимании (рис. 2).

ДОБРОВОЛЬНАЯ БЕЗДЕТНОСТЬ (уз.) \subset ДОБРОВОЛЬНАЯ БЕЗДЕТНОСТЬ (шир.)
 ЧАЙЛДФРИ \cap ДОБРОВОЛЬНАЯ БЕЗДЕТНОСТЬ (шир.)

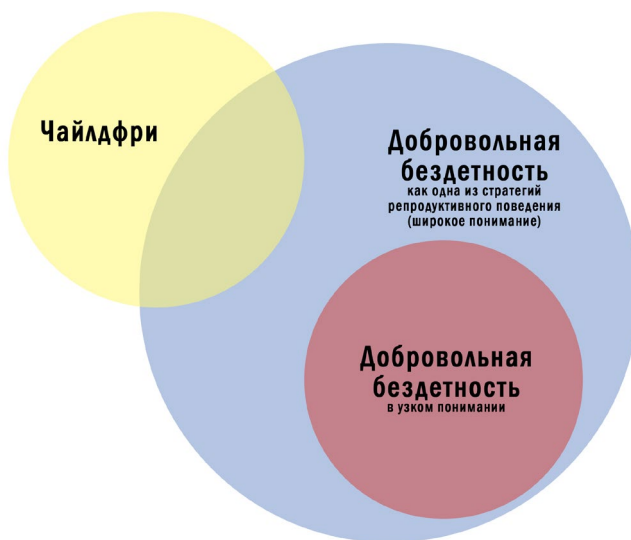

Рис. 2. Соотношение концептов «добровольная бездетность» в узком и расширительном понимании, а также «чайлдфри»

Определяя два этих явления, можно сказать, что *чайлдфри* — это система взглядов, центральной идеей которой является добровольный и осознанный выбор в пользу отказа от рождения детей и которая подразумевает наличие идентичности, связывающей и ограничивающей круг единомышленников по вопросу о репродуктивном выборе. В свою очередь, добровольная бездетность — репродуктивная стратегия человека, выраженная в добровольном отказе от заведения детей в силу некоторых эмоциональных причин, не связанных с фертильностью.

В Таблице 1 мы также приводим список основных терминов, упомянутых нами, их эквиваленты и определения.

Таблица 1. Список основных терминов, их русскоязычных эквивалентов и определений

Оригинальное наименование	Перевод/транслитерация в русском языке	Определение
Childfree	Чайлдфри	Человек, близкий к одноименному сообществу людей, осознанно выбравших отказ от заведения детей в качестве собственной репродуктивной стратегии, рассматривающих этот выбор как часть собственной идентичности и, возможно, отстаивающих свои социально-политические права на него
Voluntarily childless	Добровольно бездетный	Человек, добровольно и в силу некоторых эмоциональных причин, не связанных с infertility, принявший решение остаться бездетным
Intentionally childless	Сознательно бездетный	Человек, осознанно и в силу некоторых рациональных причин, не связанных с infertility, принявший решение остаться бездетным
Intended childless	Намеренно бездетный	Человек, который не имеет детей и утверждает, что не намеревается, однако при ответе на вопрос об идеальном числе детей, родившихся у него за всю жизнь, называют число, отличное от нуля
Reluctant parents	Неохотные родители, родители нежеланных детей, сожалеющие о родительстве	Человек, который идеальным числом детей, родившихся у него за всю жизнь, называет для себя «ноль», хотя сам уже является родителем
Childhate	Чайлдхейт (детоненавистник)	Термин, используемый в русскоязычном дискурсе для определения людей, испытывающих исключительно негативные чувства к детям и атрибутам, связанным с вынашиванием, рождением и/или воспитанием детей

Заключение

В данном эссе мы стремились показать заинтересованному читателю, что семантика исследуемого поля добровольной бездетности сложна и нестабильна, а потому принимающемуся за работу исследователю — как «качественнику», так и «количественнику» — следует быть особенно внимательным при сборе данных. В русскоязычном контексте особенно усложняет эту работу понятие «чайлдфри», которое, как губка, впитывает в себя самые разнообразные смыслы: даже не задумываясь о том, что может быть совершена грубая ошибка, в содержание этого понятия часто включают всех, кто добровольно отказывается от рождения детей. Как результат, «чайлдфри» становится крайне широким и размытым концептом, который каждым понимается по-разному. Исходя из этого, вопрос о грамотной

категоризации добровольно бездетных важно учитывать не только на уровне анализа данных, но и при сборе эмпирического материала, уделяя внимание индивидуальным особенностям и интенциям информантов и не описывая все сообщество через общий маркер «чайлдфри». Авторское исследование на пересечении социологии семьи и политической науки позволило высветить особенность, которая не была до конца очевидной ряду отечественных исследователей: то, что ранее определялось как «чайлдфри», на самом деле описывается термином «добровольная бездетность».

Таким образом, в этой работе мы стремились ориентировать исследователей не-родительства на последовательное, осознанное и соответствующее изучаемому контексту использование упомянутых терминов, принимая во внимание намеченные точки различия между смысловым содержанием понятий. Демаркация семантических границ базовых концептов исследовательского поля критически важна — особенно в локальных контекстах, не всегда корректно воспринимающих концептуальный аппарат, долгие годы формировавшийся в иной языковой и культурной средах. Отсюда же возникает и определенное ограничение: фокусированность основной массы исследований на выборках развитых стран с главенствующей постматериальной культурой ограничивает пределы их использования в отличающихся контекстах, коим является российский контекст. Так, помимо сглаживания различий и сложностей существует опасность генерализации выводов на группы, постоянно проживающие в иных социокультурных условиях.

Мы настоятельно рекомендуем в дальнейшем при изучении явления не-родительства использовать термин «добровольно бездетные», в то время как «чайлдфри» в качестве научной категории сохраняет свою актуальность только для более узкой группы, но никак не в качестве зонтичного понятия.

Также важно понимать, что как социальные исследователи мы получаем от информантов данные об их позициях исключительно на момент проведения интервью. Вполне реально помыслить, что в течение нескольких лет установки того или иного информанта могут существенно измениться. Так, для лучшего понимания явления добровольной бездетности, безусловно, необходимо проводить панельные исследования, к чему в ближайшем будущем автор данной статьи собирается обратиться. Как подсказывают коллеги [Lynch et al., 2018: 34], будущее исследований добровольной бездетности лежит в плоскости качественного и смешанного исследовательских дизайнов, а также критической социальной теории и феминистского анализа как теоретических рамок.

Исследовательские перспективы российского поля добровольной бездетности по-прежнему велики, несмотря на то что последнее по большей части сконцентрировано в онлайн: оно интересно, молодо и по-своему уникально. Российские исследовательские работы часто рассматривают данное явление через призму «феномена», «субкультуры» или «идеологии», лишь изредка выходя на эмпирически подтвержденные объяснения выбора такого образа жизни или последствия его опубличивания, что, вообще говоря, является трендом в мировой науке [ibid.: 28—29]. Со стороны концептологических исследований перспективным видится изучение словоупотреблений корпусными методами для более четкой проработки вопросов, поднятых в данном эссе.

Большее внимание следует уделять изучению мужского опыта бездетности, в том числе и добровольной, так как это поле по-прежнему (в том числе и за рубежом) остается слабо исследованным [Gray, Evans, Reimondos, 2013; Keizer, Dykstra, Poortman, 2010; Nisen et al., 2014]: женщины стабильно занимают большую часть выборок в таких исследованиях. В свою очередь, тренд по изучению родителей, сожалеющих о рождении детей, также имеет далеко идущие перспективы.

Помимо всего сказанного, важно уделять особое внимание тем причинам, по которым белые гетеросексуальные женщины (и пары) среднего класса принимают решение о заведении детей [Morison, 2013]. К сожалению, эвристическая ценность такого фокуса по-прежнему недооценивается, и достаточно многочисленные по своему численному составу социально привилегированные группы выпадают из анализа. Как следствие — их трудно сопоставлять с аттитюдами, выраженными в нарративах меньшинств. Частью последних являются и бездетные люди (как добровольно, так и вынужденно), которые часто представлялись как некоторое отклонение от социокультурно обусловленной нормы. Так, следует избавляться от пронатализма и гетеронормативности в исследованиях добровольной бездетности, поскольку на данный момент первые могут существенно деформировать реально имеющуюся картину. При этом также важно помнить, что исследование всегда несет в себе тот или иной идеологический заряд места и конкретного исторического периода, в который знание было произведено.

Список литературы (References)

Архипова А.**, Волкова М., Кирзюк А., Малая Е., Радченко Д., Югай Е. «Группы смерти»: от игры к моральной панике. М.: Школа актуальных гуманитарных исследований, 2017. <http://socioprognoz-ru.1gb.ru/files/File/2017/1493324735929662.pdf>.

Arkhipova A.**, Volkova M., Kirzyuk A., Malaya E., Radchenko D., Yugay E. (2017) «Death Groups»: From Game to Moral Panic. Moscow: School of Advanced Studies in the Humanities. <http://socioprognoz-ru.1gb.ru/files/File/2017/1493324735929662.pdf>. (In Russ.)

Вишневский А. Г. Россия перед демографическим выбором: выступления и интервью. М.: Издательский дом ГУ — ВШЭ, 2007.

Vishnevsky A. G. (2007) Russia in the Face of Demographic Challenges: Speeches and Interviews. Moscow: State University — Higher School of Economics Publishing House. (In Russ.)

Вишневский А. Г. Социальное управление рождаемостью // Вопросы философии. 1978. № 6. С. 85—100.

Vishnevsky A. G. (1978) Social Birth Control. *Problems of Philosophy*. No. 6. P. 85—100. (In Russ.)

Горбачев Н. Производство нормативности в дискурсе запрета «пропаганды гомосексуализма» // На перепутье: методология, теория и практика ЛГБТ и квир-исследований / ред.-сост. А. А. Кондаков. СПб., 2014. С. 86—100.

Gorbachev N. (2014) Normativity Production in the Discourse around the Ban on «Homosexual Propaganda». In: Kondakov A. A. (ed.) *On the Crossroads: Methodology, Theory and Practice of LGBT and Queer Studies*. Saint Petersburg. P. 86—100. (In Russ.)

Гурко Т. А. О Концепции государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года: экспертная оценка // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 33—52.

Gurko T. A. (2013) The Concept of Government Family Policy of Russian Federation over a Period 2025: Suggestions for Improvement. *Sociological Science and Social Practice*. No. 3. P. 33—52. (In Russ.)

Гусейнов А. А. Этика доброй воли // Кант И. Лекции по этике. М. : Республика, 2000. С. 5—36.

Guseynov A. A. (2000) Ethics of the Good Will. In: Kant I. *Lectures of Ethics*. Moscow: Respublika. P. 5—36. (In Russ.)

Демографическая модернизация России, 1900—2000 / под ред. А. Г. Вишневецкого. М. : Новое издательство, 2006.

Vishnevsky A. G. (ed.) (2006) Demographic Modernization of Russia, 1900—2000. Moscow: Novoye Izdatelstvo. (In Russ.)

Журавлев О. Инерция постсоветской деполитизации и политизация 2011—2012 // Политика аполитичных: Гражданские движения в России 2011—2013 годов. М. : Новое литературное обозрение, 2015. С. 27—70.

Zhuravlev O. (2015) Inertia of post-Soviet Depoliticization and Politicization of 2011—2012. In: *The Politics of the Apolitical: Civic Movements in Russia, 2011—2013*. Moscow: New Literary Observer. P. 27—70. (In Russ.)

Исупова О. Г. «Чайлдфри», или добровольная бездетность // Демоскоп Weekly. 2010. № 427—428. <http://demoscope.ru/weekly/2010/0427/gender01.php/>.

Isupova O. G. (2010) «Childfree», or Voluntary Childlessness. *Demoscope Weekly*. No. 427—428. <http://demoscope.ru/weekly/2010/0427/gender01.php/>. (In Russ.)

Исупова О. Г. Интенсивное материнство в России: матери, дочери и сыновья в школьном взрослении // Неприкосновенный запас. 2018. № 119. С. 180—189.

Isupova O. G. (2018) Intensive Motherhood in Russia: Mothers, Daughters and Sons in School Years' Growing Up. *Emergency Ration*. No. 119. P. 180—189. (In Russ.)

Исупова О. Г. Право хотеть слишком сильно: биотехнологии и репродуктивные желания // Демоскоп Weekly. 2011. № 453—454. <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0453/analit02.php>.

Isupova O. G. The Right to Have a Strong Desire: Biotechnologies and Reproductive Desires. *Demoscope Weekly*. No. 453—454. <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0453/analit02.php>. (In Russ.)

Калверт К. Дети в доме. Материальная культура раннего детства. 1600—1900. М. : Новое литературное обозрение, 2009.

Calvert K. (1992) Children in the House: The Material Culture of Early Childhood, 1600—1900. Boston: Northeastern University Press.

Ким Н. В. Женщина в семье: репрезентация семейной политики в российских СМИ до и после 2006 г. // *Женщина в российском обществе*. 2017. № 1. С. 64—74. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2017.1.6>.

Kim N. V. (2017) Woman in the Family: Family Policy Representation in Russian Media before and after 2006. *Woman in Russian Society*. No. 1. P. 64—74. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2017.1.6>. (In Russ.)

Кон И. С. Бить или не бить? М. : Время, 2012а.

Kon I. S. (2012a) To Beat or Not to Beat. Moscow: Vremya. (In Russ.)

Кон И. С. Телесные наказания девочек и мальчиков в России XX — начала XXI в.: повседневные практики и общественное мнение // *Бытовое насилие в истории российской повседневности (XI — XXI вв.) : коллективная монография / общ. ред. и сост. М. Г. Муравьевой, Н. Л. Пушкаревой*. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012b. С. 164—196.

Kon I. S. (2012b) Corporal Punishment of Girls and Boys in Russia in the XIXth — Early XXI Centuries: Everyday Practices and Public Opinion. In: Muravyeva M. G., Pushkareva N. L. (eds.) *Everyday Violence in the History of Russian Everyday Life, XI — XXI Centuries*. Saint Petersburg: EUSP Press. P. 164—196. (In Russ.)

Кон И. С. Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2011. Т. XIV. № 1. С. 51—65.

Kon I. S. (2011) Three in One: Sexual, Gender and Family Revolutions. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. XIV. No. 1. P. 51—65. (In Russ.)

Кузьмина Е. В. Сообщества в Живом журнале — новые коммуникативные возможности для субкультурных групп и общественных инициатив // *Журнал исследований социальной политики*. 2011. Т. 9. № 3. С. 365—390.

Kuzmina E. V. (2011) Communities in Live Journal — New Communication Opportunities for Subcultural Groups and Public Initiatives: From Cultural Products Exchange to Social Problems Discussion. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 9. No. 3. P. 365—390. (In Russ.)

Лебина Н. Мужчина и женщина: Тело, мода, культура. М. : Новое литературное обозрение, 2014.

Lebina N. (2014) Man and Woman: Body, Fashion and Culture. Moscow: New Literary Observer. (In Russ.)

Ломакин И. В. Миграция идей: концепт «чайлдфри» в англоязычном и русскоязычном научных дискурсах // *Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего: Материалы XII международной научной конференции : в 2 ч. / отв. ред.: Н. Л. Пушкарева, И. О. Дементьев, М. Г. Шендерюк*. Ч. 2. М. : ИЭА РАН, 2019. С. 113—115.

Lomakin I. V. (2019) Migration of Ideas: Concept «Childfree» in English and Russian Speaking Academic Discourses. In: Pushkareva N. L., Dementyev I. O., Shenderyuk M. G. (eds.) *Men and Women in Migration in the Past and Today*. Vol. 2. Moscow: Institute for Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences. P. 113—115. (In Russ.)

Ломакин И. В. Не-родительство в России: Добровольная бездетность в (био)политическом контексте // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур : Материалы Девятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН : в 2 т. / отв. ред.: Н. Л. Пушкарева, Н. А. Мицюк. Т. 2. М. : ИЭА РАН; Смоленск: Издательство СмолГУ, 2016. С. 40—43.

Lomakin I. V. (2016) Non-Parenthood in Russia: Voluntary Childlessness in (Bio)Political Context. In: Pushkareva N. L., Mitsyuk N. A. *Motherhood and Fatherhood through the Prism of Time and Cultures*. Moscow: Institute for Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences; Smolensk: Smolensk State University Publishing House. P. 40—43. (In Russ.)

Ломакин И. В. О семантике некоторых базовых понятий в современных исследованиях не-родительства // Материалы VIII международной социологической Грушинской конференции «Социолог 2.0: трансформация профессии», 18—19 апреля 2018 г. / отв. ред. А. В. Кулешова. М. : АО «ВЦИОМ», 2018а. С. 317—321.

Lomakin I. V. (2018a) On the Semantics of Several Basic Concepts in Contemporary Research on Non-Parenthood. In: Kuleshova A. V. (ed.) *Materials of the VIII International Sociological Grushin Conference «Sociologist 2.0: Transformation of the Profession»*. Moscow: VCIOM. P. 317—321. (In Russ.)

Ломакин И. В. Что мы имеем в виду на самом деле, когда говорим о «чайлдфри»? // Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV—XXI веков. Материалы Одиннадцатой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 4—7 октября 2018 г., Нижний Новгород : в 2 т. / отв. ред.: Н. Л. Пушкарева, Н. Э. Гронская, Н. К. Радина. Т. 1. М. : ИЭА РАН, 2018b. С. 225—228.

Lomakin I. V. (2018b) What do We Actually Mean When We Talk about «Childfree»? In: Pushkareva N. L., Gronskaya N. E., Radina N. K. (eds.) *Townswomen and Townsman in the Political, Economic and Cultural Processes of the Russian Urbanization of the XIV—XXI Centuries*. Vol. 1. Moscow: Institute for Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences. P. 225—228. (In Russ.)

Мальтус Т. Р. Опыт закона о народонаселении. М. : Издание К. Т. Солдатенкова, 1895.

Malthus T. R. (1798) *An Essay on the Principle of Population*. London: J. Johnson in St Paul's Church-yard.

Михель Д. В. Власть, управление, население: Возможная археология социальной политики Мишеля Фуко // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. № 1. С. 92—106.

Mikhel D. V. (2003) Power, Governance, The Population: A Possible Archeology of Social Policy by Michel Foucault. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 1. No. 1. P. 92—106. (In Russ.)

Михель Д. В. Общество перед проблемой инфантицида: история, теория, политика // Журнал исследований социальной политики. 2007. Т. 5. № 4. С. 439—458.

Mikhel D. V. (2007) Society in the Face of Infanticide: History, Theory, Policy. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 5. No. 4. P. 439—458. (In Russ.)

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М. : ООО «А ТЕМП», 2006.

Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. (2006) Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80000 Words and Phraseological Expressions. Moscow: A TEMP Publications. (In Russ.)

Печерская Н. В. Мифология родительства: анализ дискурсивного производства идеальной семьи // Журнал исследований социальной политики. 2012. Т. 10. № 3. С. 323—342.

Pecherskaya N. V. (2012) Mythology of Parenthood: Analysis of Discourse Construction of Ideal Family. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 10. No. 3. P. 323—342. (In Russ.)

Печерская Н. В. Перспективы российской семейной политики: принуждение к традиции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 4. С. 94—105.

Pecherskaya N. V. (2013) The Prospects of Russian Family Policy: Coercing into Tradition. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. XVI. No. 4. P. 94—105. (In Russ.)

Радина Н. К. Независимые медиа и инициативы государственной семейной политики на этапе «пронаталистского поворота» // Журнал исследований социальной политики. 2018. Т. 16. № 2. С. 295—310. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-2-295-310>.

Radina N. K. (2018) Independent Media and Initiatives in State Family Policy during the 'Pronatalist Turn'. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 16. No. 2. P. 295—310. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-2-295-310>. (In Russ.)

Рыбаковский Л. Л. Демографические вызовы: что ожидает Россию? // Социологические исследования. 2012. № 8. С. 49—59.

Rybakovsky L. L. (2012) Demographic Challenges: What Awaits Russia? *Sociological Studies*. No. 8. P. 49—59. (In Russ.)

Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. М. : Магистериум, Касталь, 1996.

Foucault M. (1996) A Will to Know. Beyond Power, Knowledge and Sexuality. Moscow: Magisterium, Kastal. (In Russ.)

Чернова Ж. В. Незавершенная гендерная революция // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 222—242. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.10>.

Chernova Zh.V. (2019) The Unfinished Gender Revolution. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 222—242. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.10>. (In Russ.)

Чернова Ж. В. Семейная политика современной России: гендерный анализ и оценки эффективности // Женщина в российском обществе. 2011. № 3. С. 44—51.

Chernova Zh.V. (2011) Family Policy in Contemporary Russia: Gender Analysis and Evaluations of Effectiveness. *Woman in Russian Society*. No. 3. P. 44—51. (In Russ.)

Чернова Ж. В. Семья как политический вопрос: государственный проект и практики приватности. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.

Chernova Zh.V. (2013) Family as a Political Issue: State Project and Practices of Privacy. Saint Petersburg: EUSP Press. (In Russ.)

Чутков С. С. Морфологический анализ идеологии М. Фридена // Политическая концептология : Журнал междисциплинарных исследований. 2017. № 2. С. 211—220.
Chutkov S. S. (2017) M. Freedon's Morphological Analysis of Ideologies. *The Political Conceptology: Journal of Metadisciplinary Research*. No. 2. P. 211—220. (In Russ.)

Шадрина А. Не замужем: Секс, любовь и семья за пределами брака. М. : Новое литературное обозрение, 2014.

Shadrina A. (2014) Not Married: Sex, Love and Family beyond Marriage. Moscow: New Literary Observer. (In Russ.)

Эсиг Л. «Сердца геев надо зарывать в землю»: размышления об охоте на гомосексуалов в России // На перепутье: методология, теория и практика ЛГБТ и квир-исследований / ред.-сост. А. А. Кондаков. СПб., 2014. С. 3—23.

Essig L. (2014) «Bury Their Hearts»: Some Thoughts on the Specter of Homosexuality Haunting Russia. In: Kondakov A. A. (ed.) *On the Crossroads: Methodology, Theory and Practice of LGBT and Queer Studies*. Saint Petersburg. P. 3—23. (In Russ.)

Ярская-Смирнова Е. Р. «Да-да, я вас помню, вы же у нас неблагополучная семья!» Дискурсивное оформление современной российской семейной политики // Женщина в российском обществе. 2010. № 2. С. 14—25.

Yarskaya-Smirnova E.R. (2010) «Yes-yes, I Remember You! You are Our Unfortunate Family!» Discourse Formation of Contemporary Family Policy in Russia. *Woman in Russian Society*. No. 2. P. 14—25. (In Russ.)

Abuelnaga Sh. (2018) I'm Not a Mother, Therefore I Don't Exist. *Kohl: A Journal for Body and Gender Research*. Vol. 4. No. 2. P. 197—204.

Agrillo C., Nelini C. (2008) Childfree by Choice: A Review. *Journal of Cultural Geography*. Vol. 25. No. 3. P. 347—363. <https://doi.org/10.1080/08873630802476292>.

Barnett L. D. (1971) Zero Population Growth, Inc. *BioScience*. Vol. 21. No. 14. P. 759—765. <https://doi.org/10.2307/1295945>.

Barnett L. D. (1974) Zero Population Growth, Inc.: A Second Study. *Journal of Biosocial Science*. Vol. 6. No. 1. P. 1—22. <https://doi.org/10.1017/S0021932000009470>.

Barnett L. D., MacDonald R.H. (1976) A Study of the Membership of the National Organization for Non-Parents. *Social Biology*. Vol. 23. No. 4. P. 297—310. <https://doi.org/10.1080/19485565.1976.9988244>.

Barnett L. D., MacDonald R.H. (1986) Value Structure of Social Movement Members: A New Perspective on the Voluntarily Childless. *Social Behavior & Personality: An International Journal*. Vol. 14. No. 2. P. 149—159. <https://doi.org/10.2224/sbp.1986.14.2.149>.

Basten S. (2009) Voluntary Childlessness and Being Childfree. The Future of Human Reproduction: Working Paper No. 5. Oxford: University of Oxford; Vienna: Vienna Institute of Demography, Austrian Academy of Science.

Basten S., Frejka T., Abolina L., Abuladze L., Aksyonova S., Akrap A., Antipova E., Bobic M., Čipin I., Fakeyeva L., Foldes I., Jasilioniene A., Kostova D., Kotowska I., Krimer B., von der Lippe E., Kurylo I., Maslauskaite A., Mikolaj J., Muresan C., Petar V., Potančoková M., Pronko T., Puur A., Rasevic M., Rybińska A., Sakkeus L., Sambt J., Sobotka T., Šprocha B., Stankuniene V., Šťastná A., Strmota M., Stropnik N., Tymicki K., Vishnevsky A., Zakharov S., Zeman K., Zvidrins P. (2015) Fertility and Family Policies in Central and Eastern Europe after 1990. *Barnet Papers in Social Research*. Oxford. Working Paper No. 15—01. URL: https://www.spi.ox.ac.uk/sites/default/files/150306_Barnett_Paper_15-01.pdf (accessed 15.12.2019).

Belcher A. (2000) The Not-Mother Puzzle. *Social & Legal Studies*. Vol. 9. No. 4. P. 539—556. <https://doi.org/10.1177/096466390000900404>.

Berrington A. (2017) Childlessness in the UK. In: Kreyenfeld M. R., Konietzka D. (eds.) *Childlessness in Europe: Contexts, Causes, and Consequences*. Dordrecht: SpringerOpen. P. 57—76. https://doi.org/10.1007/978-3-319-44667-7_3.

Blackstone A. (2014) Doing Family without Having Kids. *Sociology Compass*. Vol. 8. No. 1. P. 52—62. <https://doi.org/10.1111/soc4.12102>.

Blackstone A. (2019) *Childfree by Choice. The Movement Redefining Family & Creating New Age of Independence*. New York: Dutton.

Chancey L., Dumais S. A. (2009) Voluntary Childlessness in Marriage and Family Textbooks, 1950—2000. *Journal of Family History*. Vol. 34. No. 2. P. 206—223. <https://doi.org/10.1177/0363199008330733>.

Chernova Zh. (2012) New Pronatalism? Family Policy in Post-Soviet Russia. *Region: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia*. Vol. 1. No. 1. P. 75—92. <https://doi.org/10.1353/reg.2012.0010>.

Coontz S., Parson M., Raley G. (2008) *American Families: A Multicultural Reader*. New York: Routledge.

Curtis J. M. (2013) 'We Have a Great Task Ahead of Us!' Child-Hate in Roald Dahl's 'The Witches'. *Children's Literature in Education*. Vol. 45. No. 2. P. 166—177. <https://doi.org/10.1007/s10583-013-9207-6>.

Daugherty J., Jackson R. L. (2017) Identity Politics. In: Kim Y. Y. (ed.) *The International Encyclopedia of Intercultural Communication*. Hoboken, NJ: Wiley—Blackwell. <https://doi.org/10.1002/9781118783665.ieicc0222>.

deMause L. (1975) The Evolution of Childhood. In: deMause L. (ed.) *The History of Childhood*. New York: Harper & Row Publishers. P. 1—74.

Donath O. (2017) *Regretting Motherhood: A Study*. Berkeley, CA: North Atlantic Books.

- Dunn P.P. (1975) «That Enemy Is the Baby»: Childhood in Imperial Russia. In: deMause L. (ed.) *The History of Childhood*. New York: Harper & Row Publishers. P. 383—406.
- Ehrlich P.R. (1968) *The Population Bomb*. New York: Ballantine Books.
- Fábián K., Korolczuk E. (eds.) (2017) *Rebellious Parents: Parental Movements in Central-Eastern Europe and Russia*. Indianapolis, IN: Indiana University Press.
- Freed A.F. (2015) Pro-Choice and Pro-Life. In: Whelehan P., Bolin A. (eds.) *The International Encyclopedia of Human Sexuality*. Hoboken, NJ: Wiley — Blackwell. P. 996—998. <https://doi.org/10.1002/9781118896877.wbiehs376>.
- Gladarev B. (2016) Attempts to Overcome ‘Public Aphasia’: An Analysis of Public Discussions in Russia at the Beginning of the Twenty-First Century. In: Vakhtin N., Firsov B. (eds.) *Public Debate in Russia: Matters of (Dis)order*. Edinburgh: Edinburgh University Press. P. 167—205.
- Gray E., Evans A., Reimondos A. (2013) Childbearing Desires of Childless Men and Women: When are Goals Adjusted? *Advances in Life Course Research*. Vol. 18. No. 2. P. 141—149. <https://doi.org/10.1016/j.alcr.2012.09.003>.
- Hall S. (2011) *American Patriotism, American Protest: Social Movements since the Sixties*. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press.
- Healey J. (2016) Rejecting Reproduction: The National Organization for Non-Parents and Childfree Activism in 1970s America. *Journal of Women’s History*. Vol. 28. No. 1. P. 131—156. <https://doi.org/10.1353/jowh.2016.0008>.
- Heywood C. (2018) *A History of Childhood: Children and Childhood in the West from Medieval to Modern Times*. Cambridge: Polity Press.
- Höjdestrand T. (2016) Social Welfare or Moral Warfare? Popular Resistance against Children’s Rights and Juvenile Justice in Contemporary Russia. *International Journal of Children’s Rights*. Vol. 24. No. 4. P. 826—850. <https://doi.org/10.1163/15718182-02404007>.
- Höjdestrand T. (2017) Nationalism and Civicness in Russia: Grassroots Mobilization in Defense of ‘Family Values’. In: Fábián K., Korolczuk E. (eds.) *Rebellious Parents: Parental Movements in Central-Eastern Europe and Russia*. Indianapolis, IN: Indiana University Press. P. 31—60.
- Inglehart R. (1977) *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Keizer R., Dykstra P.A., Poortman A.-R. (2010) Life Outcomes of Childless Men and Fathers. *European Sociological Review*. Vol. 26. No. 1. P. 1—15. <https://doi.org/10.1093/esr/jcn080>.
- Kondakov A. (2019) The Censorship «Propaganda» Legislation in Russia. In: *State-Sponsored Homophobia*. Geneva: ILGA-Europe. P. 213—215. https://ilga.org/downloads/ILGA_State_Sponsored_Homophobia_2019.pdf#page=213.

Kreyenfeld M. R., Konietzka D. (2017) Analyzing Childlessness. In: Kreyenfeld M. R., Konietzka D. (eds.) *Childlessness in Europe: Contexts, Causes, and Consequences*. Dordrecht: SpringerOpen. P. 3—15. https://doi.org/10.1007/978-3-319-44667-7_1.

Lincoln R., Kaeser L. (1988) Whatever Happened to the Contraceptive Revolution? *Family Planning Perspectives*. Vol. 20. No. 1. P. 20—24. <https://doi.org/10.2307/2135593>.

Lynch I., Morison T., Macleod C. I., Mijas M., du Toit R., Seemanthini S. (2018) From Deviant Choice to Feminist Issue: An Historical Analysis of Scholarship on Voluntary Childlessness (1920—2013). In: Sappleton N. (ed.) *Voluntary and Involuntary Childlessness: The Joys of Otherhood?* Bingley: Emerald Publishing Limited. P. 11—47. <https://doi.org/10.1108/978-1-78754-361-420181002>.

Makarychev A. (2018) Beyond Geopolitics: Russian Soft Power, Conservatism, and Biopolitics. *Russian Politics*. Vol. 3. No. 1. P. 135—150. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00301007>.

Makarychev A., Medvedev S. (2015) Biopolitics and Power in Putin's Russia. *Problems of Post-Communism*. Vol. 62. No. 1. P. 45—54. <https://doi.org/10.1080/10758216.2015.1002340>.

Michalos A. C. (ed.) (2014) *Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research*. Dordrecht: Springer.

Miettinen A., Rotkirch A., Szalma I., Donno A., Tanturri M.-L. (2015) Increasing Childlessness in Europe: Time Trends and Country Differences. *Families and Societies*. Working Paper Series. No. 33. <http://www.familiesandsocieties.eu/wp-content/uploads/2015/03/WP33MiettinenEtAl2015.pdf>.

Mollen D. (2006) Voluntarily Childfree Women: Experiences and Counseling Considerations. *Journal of Mental Health Counseling*. Vol. 28. No. 3. P. 269—282. <https://doi.org/10.17744/mehc.28.3.39w5h93mreb0mk4f>.

Moore J., Abetz J. S. (2019) What Do Parents Regret About Having Children? Communicating Regrets Online. *Journal of Family Issues*. Vol. 40. No. 3. P. 390—412. <https://doi.org/10.1177/0192513X18811388>.

Morison T. (2013) Heterosexual Men and Parenthood Decision Making in South Africa: Attending to the Invisible Norm. *Journal of Family Issues*. Vol. 34. No. 8. P. 1125—1144. <https://doi.org/10.1177/0192513X13484271>.

Mullins A. (2018) 'Join the Club' or 'Don't Have Kids'? Exploring Contradictory Experiences, Pressures and Encouragement to Have Children in Pronatalist Social Fields. In: Sappleton N. (ed.) *Voluntary and Involuntary Childlessness: The Joys of Otherhood?* Bingley: Emerald Publishing Limited. P. 147—170. <https://doi.org/10.1108/978-1-78754-361-420181006>.

Nisen J., Martikainen P., Silventoinen K., Myrskylä M. (2014) Age-Specific Fertility by Educational Level in the Finnish Male Cohort Born 1940—50. *Demographic Research*. Vol. 31. No. 5. P. 119—136. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2014.31.5>.

- Pankhurst J. G. (1982) Childless and One-Child Families in the Soviet Union. *Journal of Family Issues*. Vol. 3. No. 4. P. 493—515. <https://doi.org/10.1177/019251382003004005>.
- Peck E. (1971) *The Baby Trap*. New York: B. Geis Associates.
- Peck E., Senderowitz J. (eds.) (1974) *Pronatalism: The Myth of Mom & Apple Pie*. New York: Thomas Y. Crowell.
- Popenoe P. (1936) Motivation of Childless Marriages. *Journal of Heredity*. Vol. 27. No. 12. P. 469—472. <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.jhered.a104164>.
- Rivkin-Fish M. (2006) From «Demographic Crisis» to «Dying Nation»: the Politics of Language and Reproduction in Russia. In: Goscilo A., Lanoux H. (eds.) *Gender and National Identity in Twentieth-Century Russian Culture*. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press. P. 151—173.
- Rivkin-Fish M. (2010) Pronatalism, Gender Politics, and the Renewal of Family Support in Russia. *Slavic Review*. Vol. 69. No. 3. P. 701—724. <https://doi.org/10.1017/S0037677900012201>.
- Ross L. J., Solinger R. (2017) *Reproductive Justice: An Introduction*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Roy R. N., Schumm W. R., Britt S. L. (2014) *Transition to Parenthood*. New York: Springer.
- Self R. O. (2012) *All in the Family: The Realignment of American Democracy since the 1960s*. New York: Hill and Wang.
- Shapiro G. (2014) Voluntary Childlessness: A Critical Review of the Literature. *Studies in the Maternal*. Vol. 6. No. 1. P. 1—15. <http://doi.org/10.16995/sim.9>.
- Sokolov B., Inglehart R. F., Ponarin E., Vartanova I., Zimmerman W. (2018) Disillusionment and anti-Americanism in Russia: From pro-American to anti-American attitudes, 1993—2009. *International Studies Quarterly*. Vol. 62. No. 3. P. 534—547. <https://doi.org/10.1093/isq/sqy013>.
- Stella F., Nartova N. (2016) Sexual Citizenship, Nationalism and Biopolitics in Putin's Russia. In: Stella F., Taylor Y., Reynolds T., Rogers A. (eds.) *Sexuality, Citizenship and Belonging: Trans-National and Intersectional Perspectives*. London: Routledge. P. 17—36.
- Storr J. (2010) Identity Politics. In: Jackson R. L., Hogg M. A. (eds.) *Encyclopedia of Identity*. Thousand Oaks, CA: SAGE. P. 367—369.
- Tolkachev D. S., Vasileva V. M. (2019) Social Landscapes: A Conservative Turn for Russian Gender and Sexuality Education. In: Jones T., Coll L., van Leent L., Taylor Y. (eds.) *Uplifting Gender and Sexuality Education Research*. Cham: Palgrave Macmillan. P. 15—46. http://doi.org/10.1007/978-3-030-24205-3_2.
- Trappe H. (2017) Assisted Reproductive Technologies in Germany: A Review of the Current Situation. In: Kreyenfeld M. R., Konietzka D. (eds.) *Childlessness in Europe*:

Contexts, Causes, and Consequences. Dordrecht: SpringerOpen. P. 269—288. https://doi.org/10.1007/978-3-319-44667-7_13.

Underhill L. D. (1977) 'Childfree' Semantics. *Science News*. Vol. 111. No. 20. P. 307.

Veevers J. E. (1973) Voluntary Childlessness: A Neglected Area of Family Study. *The Family Coordinator*. Vol. 22. No. 2. P. 199—205. <https://doi.org/10.2307/582108>.

Veevers J. E. (1979) Voluntary Childlessness: A Review of Issues and Evidence. *Marriage & Family Review*. Vol. 2. No. 2. P. 1—26. https://doi.org/10.1300/J002v02n02_01.

Veevers J. E. (1980) *Childless by Choice*. Toronto: Butterworths.

Yatsyk A. (2019) Biopolitical Conservatism in Europe and Beyond: the Cases of Identity-Making Projects in Poland and Russia. *Journal of Contemporary European Studies*. Vol. 27. No. 4. P. 463—478. <https://doi.org/10.1080/14782804.2019.1651699>.

Zaretsky N. (2007) *No Direction Home: The American Family and the Fear of National Decline, 1968—1980*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.

Zelizer V. A. (1985) *Pricing the Priceless Child*. New York: Basic Books.

Приложение. Список информантов

География информантов охватывает два российских мегаполиса — Москву и Санкт-Петербург, — однако основная масса информантов проживает в Москве и Московской области. Согласно принципу конфиденциальности, имена участников исследования были изменены. Для информантов № 3 и № 4, в соответствии с их пожеланиями, указаны их реальные имена.

Статус «чайлдфри» давался информантам, которые беспрепятственно принимали на себя данную идентичность. Как правило, это были информанты, рекрутированные из специализированных групп «чайлдфри» в социальной сети «ВКонтакте», и в первую очередь это администраторы данных сообществ. Информанты, которые самостоятельно представляли себя в качестве «чайлдхейт», маркировались соответствующим образом. «Добровольно бездетными» квалифицировались информанты, для которых статус «чайлдфри» был либо обременительным, либо синонимичным простому нежеланию иметь собственных детей. Какая-либо политическая активность по поводу их репродуктивного выбора отвергалась или представлялась невозможной. «Намеренно бездетными» (intended childless) обозначались те информанты, которые идеальным числом детей, родившихся у них за всю жизнь, называли число, отличное от нуля. Информанты, идентифицировавшие себя как «чайлдфри», но для которых идеальное число детей, родившихся у них за всю жизнь, отличается от нуля, обозначались звездочкой (*).

№	Имя информанта	Возраст и пол	Сексуальная ориентация	Семейное положение	Взгляды на «детский вопрос»	Уровень образования
1.	Анна	30, жен	Гетеросекс.	В отношениях	Добровольно бездетная	Высшее
2.	Евгения	40, жен	Гомосекс.	Одинока	Чайлдфри	Высшее
3.	Хельгус	33, муж	Гетеросекс.	Сожительство	Чайлдфри	Высшее
4.	Виктория	33, жен	Гетеросекс.	Сожительство	Чайлдфри	Среднее специальное
5.	Анастасия	33, жен	Гетеросекс.	Сожительство	Чайлдфри	Высшее
6.	Светлана	20, жен	Плавающая бисекс-ть	В отношениях	Чайлдхейт	Н/высш.
7.	Татьяна	39, жен	Гетеросекс.	В браке	Добровольно бездетная	Высшее
8.	Вера	21, жен	Гетеросекс.	В отношениях, помолвлена	Чайлдфри*	Н/высш.
9.	Иван	37, муж	Гетеросекс.	В браке	Добровольно бездетный	Высшее
10.	Галина	40, жен	Гетеросекс.	В браке	Чайлдфри	Высшее
11.	Ксения	31, жен	Гетеросекс.	В браке	Чайлдфри	Н/высш.
12.	Игорь	26, муж	Гетеросекс.	Одинок	Чайлдфри*	С/спец.
13.	Сергей	21, муж	Гетеросекс.	В отношениях	Чайлдфри	Н/высш.
14.	Снежана	23, жен	Гетеросекс.	Одинока	Добровольно бездетная	Высшее
15.	Ольга	25, жен	Гетеросекс.	Сожительство	Намеренно бездетная	Н/высш.
16.	Михаил	27, муж	Гетеросекс.	В отношениях	Добровольно бездетный	Высшее
17.	Дмитрий	21, муж	Гетеросекс.	Одинок	Чайлдфри-чайлдхейт	Н/высш.